

A romantic couple in profile, about to kiss. The man is on the left, and the woman is on the right. The image is in a soft, purple-tinted style. The background is white with some faint, stylized grey lines.

Татьяна ТРОНИНА

Небесные очи

*истории
любви*

Татьяна Михайловна Тренина

Небесные очи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161401

Татьяна Тренина. Небесные очи: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-25488-0

Аннотация

Ты не будешь счастлива до тех пор, пока не полюбишь сама. Ты не обретешь покоя, если не разберешься со своим прошлым. Ты не сможешь спать спокойно, пока не изживешь свои обиды, а твои враги не понесут достойного наказания...

Между прошлым и настоящим перекинут шаткий мостик, по которому тебе суждено пройти. Не смотри вниз – закружится голова! Не слушай чужих голосов, дающих советы!

И попробуй поверить тем, кому верить нельзя...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

94

Татьяна Тренина

Небесные очи

* * *

– Пожалуйста, минеральной воды, без газа... Нет-нет, не с витрины, только из холодильника!

– Все хотят из холодильника, девушка... Закончилась из холодильника! – пробубнили в ответ из душной темноты палатки. – Хотя, вот, есть одна, на ваше счастье...

В узкое окошко просунули бутылку из прозрачного пластика.

Саша подхватила ее – ледяную, моментально покрывшуюся испариной, скользкую.

– Ох ты, ёлки-палки... – бутылка чуть не выпрыгнула из ее рук.

Саша быстро открутила крышку, сделала пару жадных глотков. Несколько капель пролила мимо – прозрачный тонкий ручеек скатился по подбородку, сверкнул на солнце, словно бриллиантовая россыпь, и упал на раскаленный асфальт.

Саша, оглушенная жарой, опустив голову, тупо наблюдала, как стремительно, буквально на глазах, высыхают темные пятна на асфальте.

Сзади затормозила машина.

– Красавица, подвезти? У меня, между прочим, кондиционер здесь есть!

– Да пошел ты... – не глядя, бросила через плечо Саша.

– Фу, какая грубая! – машина сорвалась с места.

«Обиделся, ха-ха... Нашел чем соблазнять – кондиционером! И вообще так пошло – «красавица», «подвезти»... такое впечатление, будто настоящих мужчин не осталось во все. Они даже не стараются. Совсем не стараются! Обратился бы как-нибудь по другому, произнес бы что-то интересное... А так на него даже смотреть не захотелось! Может, этот человек в иномарке представительского класса ехал, может – на стареньких «Жигулях»... Но разницы – никакой. Убожество!»

Сашу даже передернуло от ненависти и отвращения. Каждый день, каждая прожитая минута все больше убеждали ее в том, что настоящих мужчин не осталось.

Она отпила еще глоток из бутылки, и медленно, изнемогая от жары и горького, пропитанного выхлопными газами воздуха, побрела в сторону работы.

Часы, висящие над улицей, показывали ровно 13.00.

«Час... Все девчонки, значит, только-только на обед разбежались. И Лизка, наверное, тоже. Позвонить ей, что ли?» – Саша достала из кармана джинсов мобильный, посмотрела с тоской на экран и тут же сунула телефон обратно. По такой жаре даже кнопки было лень нажимать!

В витрине торгового центра отразился Сашин силуэт – тонкий, невысокий, девичий. Саше никто не давал ее тридцати четырех. На вид – лет двадцать пять, а то даже и двадцать – если накануне не поздно легла и не пила в компании Лизки Акуловой сладкий martini...

Может, играло роль еще и то, что одевалась Саша исключительно по-молодежному – в джинсы да футболки, на ногах – сандалии. Никакого намека на женственность! Длинные темные волосы убирала в хвост. Вот и принимали ее окружающие за девочку-припевочку...

«Сапожник без сапог! – не раз дразнила ее Лиза. – Господи, Александра Филипповна, ты ж по специальности дизайнер женской одежды! Сшей себе что-нибудь этакое, гламурненькое, чего у других нет, туфельки купи на каблукке... Перед клиентками стыдно!»

«Скажешь тоже! – отмахивалась Саша. – Эти клиентки меня в глаза не видят – чего мне для них стараться? И потом, Лиз, я за день столько эскизов набросаю, столько выкроек сделаю, что лично для себя что-то там придумывать – мне просто влом...»

Саша, равно как и Лиза Акулова, работала модельером на швейной фабрике под претенциозным названием «Притти вумен».

Владела фабрикой госпожа Буракова – дама немолодая, серьезная, решившая осчастливить россиянок огромным выбором недорогих и красивых пальто и курток отечествен-

ного производства. В самом деле, теплая одежда — вещь очень актуальная для нашего климата, когда девять месяцев в году стоит или легкая прохладца, или сильная холодыга. Другого не дано...

На втором этаже бывшего Дома культуры размещалась фабрика, на первом открыли магазин. Размеры самые ходовые — от сорок четвертого до пятьдесят второго.

Ткани — недорогие и ярких цветов, фурнитура — броская и оригинальная, много всяких камешков-стразов и веселых вышивок... Как раз для молодых и небогатых. В качестве утеплителя — пух, или совсем дешевый синтепон. Хоть каждый месяц покупай пальтишко — недорого, и надоесть не успеет!

«Притти вумен» процветала, работникам фабрики постепенно повышали зарплату, сама фабрика находилась практически в центре Москвы, неподалеку от Садового... все бы хорошо, но единственным минусом было то, что госпожа Буракова запрещала курить. Пойманного, а вернее, пойманную (на фабрике почти все работающие были женского пола) с сигаретой — увольняли.

Саша не курила, а вот Лизе, да и прочим работницам фабрики — приходилось идти на всякие ухищрения.

Во время обеда на фабрике никого не оставалось — все сбегали и не столько перекусить, сколько перекурить от души.

Саша обошла бывший Дом культуры, заглянула в ок-

на, перечеркнутые надписями – «Грандиозная распродажа! Скидки до 50 – 70 %!!!». В торговом зале среди вешалок с пальто хоть и вяло, но толкался народ. Скидки все любили, и не имело никакого значения то, что за окном было + 30.

За углом находился служебный вход. Саша по узкой лестенке поднялась на второй этаж.

Огромное помещение без каких-либо перегородок было пустым. На длинных столах были разложены толстые слои синтепона и драпа, с уже нарисованными мелом деталями – после обеда их предстояло вырезать с помощью специального электрического резака.

– Есть кто? – крикнула Саша.

Ей не ответили. Лишь в дальнем конце зала хлопнула балконная дверь – от сквозняка, наверное. «Опять дверь забыли закрыть! Дурынды! Вот Буракова узнает, уволит кого-то к чертовой бабушке!»

На балконе тайком девушки курили.

Дверь надо было немедленно запереть.

Лавируя между столов, Саша направилась туда. В этот момент зазвонил телефон. «Лиза» – засветилось на экране.

– Сашка, ты где?

– Я за водой ходила. У нас кулер сломался – забыла?

– Слушай, мы с девчонками в кафешке – ну, той, что возле кинотеатра... Слушай, тут такой кадр – немедленно гребь к нам. Как раз для тебя!

– Кадр? – с сомнением повторила Саша. – Ну, не знаю...

Акулова, кто-то из девчонок опять забыл закрыть дверь на балкон! – спохватилась она. – Слава богу, что я... – Саша внезапно замолчала и принялась.

– Что? Я не слышу? – закричала на том конце телефона Лиза. – Алло!..

Пахло дымом. Не сильно, но отчетливо. Балконная дверь снова хлопнула.

– Сашка, ты о чем? Я не слышу!

Сжимая в одной руке телефон, в другой – бутылку с минералкой, Саша побежала между столов, пристально оглядывая все вокруг.

– Акулова... Акулова. Ты меня слышишь?

– Да! Почему у тебя голос такой странный?...

– Акулова, дымом пахнет! – остановившись, с сильно бьющимся сердцем, крикнула Саша.

– Что?

– Вы курили на балконе?

– Что?

– Я спрашиваю – вы с девчонками курили на балконе перед уходом?

– Да, но мы очень аккуратно, и вообще Буракова к поставщикам уехала... – испуганным голосом забормотала Лиза.

– Пахнет дымом. Пахнет дымом...

– Может, из окна? Ветер с торфяников надул... Сейчас, говорят, на севере Подмосковья торфяники горят! – с надеждой произнесла Лиза.

Дым. Прямо здесь, в помещении.

Всполох пламени.

– Горит, – сказала Саша. – Лиза, немедленно вызови пожарных. Все очень серьезно. Лиза, ты поняла?

– Да-а... – едва слышно выдохнула Лиза. – Вызываю...

– Ну все, отбой.

Горело на полу, недалеко от балконной двери.

Саша нырнула под раскроечный стол, остановилась перед источником огня – дымились обрезки ткани вперемешку с синтепоном.

«Курили на балконе, балкон забыли закрыть, одна из сигарет... да, сигарету сквозняком занесло, точно! ...одна из сигарет упала на обрезки, ткань начала тлеть...» – машинально думала Саша, пытаясь затоптать костерок. Синтетическая ткань весело полыхнула, раскаленным воздухом обдало лицо – Саша едва успела отскочить.

«Господи, что же делать?» – в ужасе подумала она. Весь невыносимый жар лета (хотя было всего лишь начало июня) сконцентрировался в этом чадающем пламени... Надо было бежать. Бросить все и бежать.

Саша боялась огня, боялась огненной стихии – самой страшной, как ей казалось.

Язык пламени поднялся вверх, без всякого удовольствия лизнул стальную ножку стола и вдруг коснулся толстого слоя синтепона, который девушки разложили до обеда.

– Ой, мама... – в ужасе прошептала Саша. Сорвала крыш-

ку с бутылки, которую продолжала держать в руке, и плеснула на стол, как раз на тот угол, куда забрался огонь с пола. Еще плеснула – и вовремя.

Пшик – и пламя на столе погасло.

Горело теперь только на полу и отчаянно чадило. От черного противного дыма першило в горле.

Саша сорвала с вешалки чей-то давно забытый плащ, бросила поверх костра и принялась, точно безумная, прыгать сверху.

Это был не героизм, это был страх – перед тем огромным пожарищем, который в скором времени мог охватить все здание бывшего Дома культуры.

Открытый огонь исчез, но чадило немилосердно.

Вдруг Саша увидела чайник на подоконнике – к счастью, в нем была вода. Полила сверху плаща. Чад потихоньку прекращался.

Кашляя и вытирая слезящиеся от дыма глаза, Саша для надежности еще потоптала мокрый плащ.

Сердце стучало как сумасшедшее, по спине лился пот, руки тряслись...

Саша упала на стул и вытерла слезы.

В этот момент раздался страшный грохот, и в зал ворвались пожарные. Человек двадцать, не меньше!

Топая и роняя стулья, ломанулись к Саше.

– Где горит?

– Здесь горит?

– Уже не горит, – сглотнув, дрожащим голосом сказала она. – Я потушила.

Пожарные ходили по помещению, проверяли все углы, перебрасываясь замечаниями, для надежности еще раз пролили пол – то самое место, на котором совсем недавно зловеще тлел костерок.

– Ребят, обошлось...

– Не, девчонка, а ты молодец. Правда, обошлось!

– А огнетушитель у них где? Просто так и не найдешь...

– Куда только инспекция смотрела?

– Откупились, я думаю... Вот люди! Жизни не жалко...

– Братцы, а хорошо бы тут запылало, если б огонь до этих тряпок добрался...

– Да, мало не показалось бы!

Один из пожарных сел перед Сашей на корточки, заглянул ей в глаза.

– Девка, тебе повезло. Надо было сматываться отсюда, а ты осталась... Ты с этой стороны была?

– Да.

– Ну и дура. Если б запылало, ты бы оказалась отрезанной от выхода. А там что? – он встал и выглянул на балкон. – У-у... Ну, может, мы бы успели тебя снять, конечно...

Саша разрыдалась. В этот момент в зал прорвались девчонки с Лизой во главе – перепуганные донельзя.

– Сашка!

– Живая!!!

– Неужели обошлось?!

– Ой, не могу, прямо все поджилки трясутся...

– Бабье царство! – безнадежно вздохнул один из пожарных. – Так, дамочки, будем акт составлять. Кто у вас тут главный?

– Буракова!

– А Бураковой звонили?

– Да, ее уже вызвали!

– Ой, я Софью Дмитриевну больше огня боюсь... Что будет!

Через некоторое время приехала Софья Дмитриевна Буракова.

Шум, галдеж, вопли девчонок, нудные голоса пожарных, которые откровенно презирали такую бестолковую, разгильдяйскую публику...

– Да у нас не курит никто!

– Ну прям!

– А я давно говорила, что надо было организовать специальное место, отведенное под курение...

– А причем тут курение? Может, проводка старая!

– Дамы, дамы, проводка тут ни при чем... Объясняем еще раз, как именно могло произойти возгорание...

– Допрыгались! – перекрывая голоса, раздался трубный вопль Бураковой. – Свиристелки! Я сколько раз...

– Это не мы!

– А кто?

– Не я.

– Не я.

– А я вообще в торговом зале была! – чей-то торжествующий писк. – Гоша, охранник, подтвердит!

– Саша, Саша, расскажи, как все было!

Саша вытерла очередной поток слез и принялась рассказывать в подробностях произошедшее. Ее слушали внимательно, Буракова так и впилась в Сашу пронзительным немигающим взглядом.

– Ну все, Сашенька, иди, передохни... К тебе никаких претензий, ты у нас умница...

Саша кивнула и вышла из зала. Спустилась вниз, во внутренний дворик. Здесь никого не было. Саша села на скамейку и только тогда обратила внимание, что джинсы и сандалии у нее все чумазые, обгоревшие по краям. Руки – тоже...

– Надо же! – растерянно пробормотала Саша. – А я и не почувствовала ничего...

Волосы были распущены, заколка потеряна, висок и скулу саднило. «А висок-то при чем? – Саша прикоснулась кончиками пальцев к лицу, почувствовала легкое пощипывание. – Вроде головой не билась ни обо что...»

– Саша! – к ней подбежала Лиза Акулова (сероглазая, светлокудрая, с ямочками на щеках – как всегда, лучше всех), села рядом. – Сашка, ты у нас героиня теперь.

– Да ну...

– Слушай, и как же ты не испугалась?

– В том-то и дело, что испугалась! – честно призналась Саша. – Очень... Знаешь, вдруг представила огромную стену огня, как он пожирает все...

– Буракова тебя обязана отблагодарить, – перебила ее подруга.

– Ерунда какая! – досадливо поморщилась Саша. – Я дура... В следующий раз надо бежать – пусть лучше тряпки сгорят, чем живой человек!

– Ну что ты! Следующего раза не будет, девчонки зареклись курить в помещении! – засмеялась Лиза. – Ох, глаза как чешутся...

– Тоже дым разъел?

– Какой дым... – махнула Лиза рукой. – Вчера была на вечеринке, надела контактные линзы...

– У тебя же вроде хорошее зрение?

– Цветные! О-бал-деть. У меня были зеленые, прямо-таки изумрудные глазищи! – уже забыв о пожаре, вздохнула Лиза. – Красота неопишная... Мужики прямо голову теряли от моих глаз! Но единственный минус – долго в этих линзах не проходишь, глаза моментально устают, и впечатление такое, будто в них песок насыпали. Тебе, кстати, цветные линзы не подойдут...

– Это еще почему? – обиделась Саша.

– А у тебя глаза темные. На темном все потеряется... У меня светлые – и их цвет можно поменять. Хотя тебе можно подобрать непрозрачные линзы... – тут же поправила себя

Лиза. – Но, говорят, в них глаза еще быстрее устают! И обзор сужается – потому что только серединка у линзы непрокрашена. По сути, ты глядишь в маленькую дырочку... А если, например, темно, а в темноте зрачки расширяются, как ты знаешь, то совсем некомфортно.

– Поняла, поняла... Цветные линзы – не для меня.

– Но мужики на меня клевали... – мечтательно вздохнула

Лиза. – Я с одним познакомилась, Данилой зовут!

– А наутро? – усмехнулась Саша.

– Ну, наутро Данила очень удивился, что у меня обычные серые глаза, а вовсе не изумрудно-зеленые, – будничным тоном произнесла Лиза. – Ушел, обещал позвонить.

– Звонил?

– Н-нет...

Подруги замолчали.

– Знаешь, я их ненавижу... – наконец, негромко произнесла Саша. – Они все испортились.

– Мужчины?

– Да. Ни одного хорошего. Все какие-то мерзкие, и сами своей мерзости не стыдятся... ты вот на машине, а я на общественном транспорте езжу. Никто места не уступит! Раньше хоть делали вид, что спят, а теперь и вида не делают... И еще познакомиться пытаются! Вот, в метро недавно еду... Я за перекладину держусь, болтаюсь там сверху, а он сидит как ни в чем не бывало, улыбается – «Девушка, а как вас зовут, а что вы вечером делаете?...». И в общем милый, приличный

молодой человек... Но это не мужчина! – с яростью воскликнула Саша. – А эти офисные юноши, яппи всякие, которые в обед по бизнес-ланчам в своих костюмчиках толкуются, марки машин взахлеб обсуждают и какие галстуки сейчас актуальны – в горошек или полосочку...

– Я, кстати, тебя сегодня с таким хотела познакомить, – вздохнула Лиза. – Слушай, а у тебя что, ни одного хорошего мужика не было?

– Макс, первый муж – дурак тот еще. А уж как выпьет... – Сашу даже передернуло.

– Это который теперь Костыль-Нога?

– Да, я его Костыль-Нога называю, после того, как он в аварию попал. Второй, Тимоша – жадина и зануда. «Александра, зачем ты себе джинсы купила, у тебя же есть уже одни!» – гнусавым голосом передразнила Саша. – Тьфу! Про остальных даже не говорю...

– Тогда тебе нужен не яппи, не офисный служащий, а кто-нибудь такой, брутально-маргинальный... Знаю! – Лиза даже подпрыгнула. – Тебе нужен пожарный!!! Вот настоящие мужчины, своей жизнью рискуют... Идем быстренько обратно, сейчас я тебя познакомлю...

– Лиза, не надо мне про пожарных! – с яростью вскинулась Саша. – Ненавижу!...

– Почему? По-моему, очень благородная профессия...

– Мой папаша был пожарным. Чтоб он сдох!

– Саша! Об отце! – ужаснулась Лиза.

– Ты слышала про моего отца.

– В общем да, с пожарными я погорячилась... – подумав, промямлила Лиза.

Саша снова потеряла висок.

– Господи, дерет как...

– Где? Ну-ка, покажи? – Лиза оторвала Сашины руки от лица и испугалась. – Александра Филипповна, да у тебя тут самый настоящий ожог! Ой, ой... Не трогай, инфекцию в рану занесешь! – уже всерьез запаниковала Лиза.

– Что, правда? Настоящий ожог? Это, наверное, тогда, когда полыхнуло... И как только волосы не вспыхнули! Но я ничего не почувствовала... Ты говоришь, ожог?

– Еще какой! Срочно к врачу!

Далее Лиза бросилась к Бураковой. Прибежала Буракова и еще несколько девчонок – швеи Маринка и Полина и технолог Зина Делягина (ее плащ, кстати сказать, и пострадал при пожаре). Все пришли в ужас от Сашиного ожога, который к этому времени превратился в гигантский волдырь. Буракова запихнула Сашу в машину, и, вместе с Лизой, технологом Зиной Делягиной и швеями (непонятно только, как они все уместились на заднем сиденье) – помчались в районный травмпункт. В травмпункте – длиннейшая очередь, в очереди – несколько старух. Старухи стояли на смерть, вперед себя никого не пускали. Тогда помчались в какую-то частную клинику. Там очереди не было, но с Бураковой слупили кучу денег и заявили, что если Саша не сде-

лает несколько очень важных процедур (всего-то шестьдесят тысяч рублей, диагностика – бесплатно), то шрам от ожога останется у нее на всю жизнь. Буракова была готова платить, девчонки в ужасе пищали – о, лицо, шрам на всю жизнь, о, бедная Саша...

– Пошли на фиг! – не выдержала, заорала Саша. – Это обычный волдырь! И хватит причитать, девочки, со мной все в порядке!!!

В результате вся это беготня закончилась тем, что Сашу отвели в аптеку, и там сама заведующая аптеки (окончила фармацевтический институт, между прочим!) – наложила Саше на лицо повязку со специальной мазью.

Затем Сашу отвезли домой, велели сидеть дома и на всякий случай приставили Лизу – поскольку Саша жила одна.

– Если что, Акулова, сразу «Скорую» вызывай!

– О-бя-за-тельно!

Саша с Лизой остались одни.

– Сашка, я знаю, кто тебе поможет! – подумав, изрекла Лиза торжественно.

– Кто? – устало отозвалась с дивана Саша.

– Виктор Викторович Бородин.

– Кто это?

– Пластический хирург. Матери недавно блефаропластику делал. Ну, подтяжку век, мешки под глазами убирал... Гениальный врач! И холост!!!

– Лиза... – простонала Саша.

– Молчи! Мужик – во! Не первой молодости, конечно, но и ты, если помнишь... Красавец. Руки золотые. Светлая голова. А повод какой удачный... Сразу двух зайцев убьем. И не спорь!!! – Лизу даже затрясло.

– Хорошо-хорошо! – испуганно глядя на подругу, сказала Саша. – Убьем зайцев. Я согласна.

В дверь позвонили.

– Кто это? – вздрогнула Лиза. Посмотрела на часы. – Полнодвенадцатого вечера... Ты ждешь кого-то?

– Не-ет... – испугалась и Саша. Заглянула в замочную скважину, придерживая повязку на лице. – О, Тимоша! Легко на помине...

Она открыла дверь.

– Добрый вечер, – кисло произнес Тимоша, второй официальный муж Саши – мужчина лет тридцати пяти, с благородной бородкой. Лицом Тимоша сильно смахивал на последнего императора России, Николая Второго.

– Добрый... А ты чего без предупреждения? – отозвалась Лиза из комнаты.

– А, и ты тут, Лизавета... – вздохнул Тимоша, скидывая туфли. Босиком прошел к столу, сел. Снова вздохнул. – Ну и жара... Устал как собака.

– Что на этот раз? – сурово спросила Саша.

– Миксер хочу забрать. Ничего-ничего, я сам...

Тимоша посидел еще минуту с печальным, усталым лицом, затем направился в коридор за стремянкой.

– Чего это он? – шепотом спросила Лиза.

– Ты же слышала, миксер хочет забрать, – тоже шепотом отозвалась Саша.

– В пол-одиннадцатого ночи ему вдруг срочно понадобился миксер? – вытаращила Лиза глаза.

– Я не знаю... – пожала Саша плечами. – Может быть, миксер ему нужен к завтрашнему дню.

– Опомнись, Александра Филипповна, вы ж с этим Тимошей пять лет назад развелась! Что ему от тебя надо?

– Ничего. Только миксер. Он, когда выезжал, не все вещи смог забрать. Теперь вот заезжает иногда, забирает потихоньку.

– И много осталось?

– Все, что на антресолях лежит. Его пылесос, его фильтр для воды, зимние вещи кое-какие, плащ-палатка его покойного отца, набор отверток, штатив – Тимоша лет десять назад фотографированием увлекался... – методично принялась перечислять Саша.

– Что-о?... И ты все это терпишь? Эти дурацкие визиты без всякого предупреждения?...

– А мне плевать, – мстительно ответила Саша. – Пусть ездит, если охота.

– Может, он до сих пор тебя любит? – озарило Лизу.

– Не думаю... Он год назад вышел замуж, женился то есть! И вообще после развода он ни разу на меня не покушался...

– Не любит, а ездит! – прошипела Лиза, с ненавистью

оглядываясь на приоткрытую дверь в коридор. – Нет, но это ж надо...

Лиза выскочила из комнаты, оттолкнула Тимошу от стрелялки, залезла наверх, и принялась скидывать на пол коробки.

Последней была плащ-палатка – старый пакет, в котором она хранилась, лопнул, и плащ-палатка, раскрывшись, ухнула вниз, накрыв собой полкоридора. Сразу стало темно от пыли.

Когда пыль улеглась, а Тимоша выбрался из-под плащ-палатки, Лиза воинственно произнесла:

– Забирай все и вали.

– Как? – с тоской спросил Тимоша. – Я все сразу увезти не смогу, я специально частями забирал...

– Я тебе денег на такси дам! – с азартом воскликнула Лиза.

– Зачем? В долг? Но как мне тебе возвращать, у меня каждая копейка на счету – я ремонт в прошлом месяце затеял, а это, между прочим, дорогое удовольствие в нынешние времена... – принялся объяснять Тимоша. – Ты в курсе, сколько сейчас стоит плитка? А обойный клей? Обычный обойный клей?...

– Я тебе дарю деньги, дарю! – закричала Лиза и принялась совать в лицо Тимоше купюры из своего кошелька.

– Лиз, не надо... – попыталась остановить подругу Саша. – Пусть делает что хочет!

– Хорошо, я сейчас вывезу все, – кротко сказал Тимоша. –

И убери от меня свои деньги! – он отвел от себя Лизину руку.

Сел на кресло в коридоре, тяжело вздохнул.

– Вы не лесбиянки, случайно?

– Что-о?! – вытаращила глаза Лиза. – Все, я за себя не отвечаю...

– Мне в последнее время все женщины лесбиянками кажутся, – печально признался Тимоша. – Как ни посмотрю – чирикают между собой, веселятся, хорошо им вместе... Вот и вы вместе. Я понимаю, Саш, если б ты нашла приличного мужчину, и сейчас с ним дома сидела, а не с этой...

– Нашла! Приличного! – саркастически воскликнула Лиза. – Где их найти, ты скажи? В каком магазине купить?

– Злые вы... Потому и одни. Конечно, кто таких полюбит... – покачал Тимоша головой. – Саш, что у тебя с лицом?

– Ожог. Пожар тушила.

– Вот именно! – с гордостью выступила вперед Лиза. – Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет! Настоящая русская женщина, Александра Филипповна Силантьева! Саш, это его фамилия? – обернулась она к подруге.

– Нет, – ответила Саша. – Это моя девичья. Я фамилию не меняла – ни в первом, ни во втором браке...

– И правильно!

– Нет, неправильно, – возразил Тимоша. – Если бы ты, Саш, была бы мягче, милосердней, и, действительно, взяла бы мою фамилию...

– Твою?! – перебила бывшего мужа Саша. – Ну уж дудки...

Не хочу быть Свиной! Александра Филипповна Свина. Звучит?

– Свинин? Он что, правда – Свинин? – Лиза зашлась от хохота.

– Глупые вы, – с укором произнес Тимоша. – Нормальная русская фамилия. Ни чувства юмора у вас нет, ни здравого смысла, ни грамма ответственности... Ничего нет у нынешних женщин. Тьфу!

subтПрошломое

Всю ночь ей снился хороший сон. Сон о чем-то хорошем...

Такие сны бывают нечасто. Они – как подарок, от кого-то очень доброго, очень щедрого. Обычно после них просыпаешься со щемящим сердцем, со смутной улыбкой на губах – «Господи, что же это было? О чем?». – но ни одного сюжетного поворота, ни одного персонажа не можешь вспомнить.

Вроде бродишь где-то с кем-то, о чем-то беседуешь, а вокруг – чудесные люди, ярко-синее небо, золотое солнце, дивно пахнут цветы, а из репродуктора доносится волшебная, фантастически-прекрасная мелодия... Сбывается всё.

Счастье. Много счастья. Его не унести в руках, не завернуть в бумагу, не запихнуть в чемодан. Его держишь в руках, сжимаешь, словно охапку свежескошенной пшеницы, а янтарные колосья сыплются вниз, но их не жалко – в руках все равно остается больше.

...Аля открыла глаза, полные благодарных слез, и на миг ей показалось, что она еще помнит содержание сна. Кажется,

в ее необыкновенном сне рядом с ней был юноша, очень серьезный и одновременно – очень веселый. Настоящий друг. Который не обманет, не предаст – до гробовой доски...

Но уже в следующее мгновение остатки сна растаяли, испарились напрочь. Какая музыка, какие юноши!

Аля вспомнила, что всё плохо. Очень плохо. Хуже некуда. Ужас.

Черный, страшный ужас, от осознания которого даже начинает подташнивать и ладони покрываются противной испариной.

Ужас, который нельзя исправить. Он есть, и все. Он не закончится завтра. В жертву ему будут принесены сотни, тысячи и миллионы. И, может быть, даже собственная жизнь. Такая короткая – всего-то пятнадцать лет, за которые она не успела сделать ничего полезного или, там, героического...

Аля несколько минут еще лежала в постели, раздавленная мрачными мыслями, но потом все-таки заставила себя подняться.

В доме было тихо. Даже бабушка куда-то «усвистала» (ее собственное выражение). Наверное, к своей подруге Анфисе Тимофеевне.

Аля умылась, оделась и вышла из дома. Остаться одной в квартире было невыносимо. Надо было идти, что-то делать, двигаться, двигаться... И Аля пошла – куда глаза глядят.

Весь проспект был запружен людьми. Толпа двигалась в двух направлениях – на запад шли воинские части и отряды

народного ополчения, в обратную сторону – беженцы.

К беженцам Аля привыкла – они появились в городе давно, с первых дней войны. Шли издалека, от границы.

Потом появились беженцы из пригородов – колпинцы, детскосельцы... Не по-городскому загорелые, не по-городскому одетые... Пыльные, грязные, злые. С сумками, тележками, плачущими детьми и мрачными старухами, которые едва передвигали от усталости ноги.

Сейчас же шли те, кто жил на окраине Ленинграда.

– Фашист проклятый! Будь ты проклят, проклят, проклят во веки веков...

– Мамаша, да тише вы, и так сердце не на месте... – донеслось до Али.

Лавируя среди людей, она упорно двигалась вперед. Уши невольно ловили обрывки фраз.

– ...они уже Шлиссельбург захватили, слышали?...

– Ничего, Ленинград выстоит!

– У меня два брата в ополчении.

– У меня муж.

– У меня тоже муж.

– У меня муж и сын. Я к Ксении¹ недавно ходила, записочку оставила... – это уже негромко, почти шепотом. – Помогите, написала, нам, святая! Чтобы муж и сыночек живы остались...

¹ Ксения – имеется в виду Ксения Петербургская, русская православная святая, похороненная на Смоленском кладбище.

– Нельзя так! Чтобы двое сразу... Так не бывает, так не будет, – упрямо забубнил кто-то в ответ. – Больно жирно, мамаша.

– Ну пусть хоть сын... Хоть он один! – со страстным отчаянием воскликнул женский голос. – Сыночка мой, единственный!..

Очень много говорили о диверсантах.

– Их немец специально к нам засылает...

– Наших вербуют.

– Бывают же такие сволочи!

– Ага, еще как бывают... Для таких Родины нет. Они фашистам показывают, где у нас всякие важные объекты находятся.

– Да как, как показывают?!

– А очень просто. Ракеты пускают!

Аля наконец выбралась из толпы, свернув в тихую улочку. Долго шла между старинными, нависающими над головой домами.

В подворотне залаяла собака. Аля испугалась и снова свернула. Теперь она не знала, где находится, и шла наугад. Болели ноги, и было довольно жарко – «бабье лето» как-никак.

В пыльном маленьком сквере села на лавочку, спрятавшуюся под кустами боярышника. Было очень тихо – словно померли все.

А потом Аля услышала чьи-то шаги. Она повернула голо-

ву, и увидела молодого мужчину в сером костюме и теннисных туфлях.

Мужчина был коротко стрижен, бледен, и даже довольно симпатичен – невольно отметила Аля. Отметила, и тут же принялась мысленно ругать себя – за легкомысленность, за глупость, за несерьезность. В такое время думать о подобных пустяках!

– Девушка, который час, не знаете?

– У меня нет часов, – сурово ответила Аля и отвернулась.

К ней еще никто и никогда не обращался так – «девушка». «Может, я повзрослела уже? – испугалась и одновременно обрадовалась Аля. – Надо же – девушка...»

Про себя Аля знала, она – хорошенькая. Ей это определение казалось старорежимным – тем более что слово это в ее адрес произнесла однажды Анфиса Тимофеевна.

Эта самая Анфиса Тимофеевна вместе с бабушкой когда-то учились в Смольном. То есть тогда – в институте благородных девиц. Учили их всяким ненужным глупостям – как танцевать, как делать реверансы, и еще тому, что девушка обязана быть хорошенькой. Хорошенькая девушка. Противно и... приятно. У нее, у Али, была тонкая талия, строгое лицо, темно-зеленые глаза, косы каштанового цвета – не до пояса, но все же...

«Какая она хорошенькая?! – помнится, возмутилась тогда бабушка, услышав комплимент ее внучке. – Вот я – действительно была хорошенькой! Ко мне сам барон Вревский сва-

тался, да маменька моя, дура, отказала ему!»

«Ляля, Ляля, тише! – замахала руками на бабушку Анфиса Тимофеевна. – Не дай бог услышит кто! Посадят же... Не те времена нынче, чтобы о баронах распространяться!»

– Девушка... вас как зовут? – негромко спросил мужчина.

Аля вздрогнула – оказывается, тот и не думал уходить.

– А вам зачем?

– Ну как... – пожал тот плечами. – Можно с вами рядом присесть? Ноги прямо гудят...

– Садитесь, коли надо, – ответила Аля. И, подумав, ехидно добавила: – У нас частной собственности нет!

Мужчина сел, потер колени.

– Весь день пороги обиваю. Не берут, и все!

– Куда не берут?

– На фронт, куда же еще...

– А-а... – неопределенно протянула Аля. Потом все-таки не выдержала: – А почему не берут?

– Легкие у меня не в порядке. А еще я медицинский закончил в этом году. Говорят – в госпитале работай!

– А вы на фронт хотите?

– Кто не хочет... Только трусы дома отсиживаются.

– Я в августе под Ленинградом окопы рыла, – с гордостью призналась Аля. – На «оборонке» была то есть... До сих пор на ладонях мозоли – вот, полюбуйте! Меня, кстати, Алей зовут.

– Ничего, Аля, заживут ваши мозоли! – улыбнулся муж-

чина. – Это я вам как медик говорю. Меня, кстати, зовут Артуром.

– А по отчеству?

– Ну, не такой уж я старик, чтобы ко мне по отчеству обращаться...

У него были глаза какого-то странного, рыжевато-желтого цвета («точно у рыси!» – удивилась Аля) и хоть и хорошие, но какие-то мелковатые зубы. Она никак не могла понять – нравится ей этот человек или нет. Обычно это происходило в первые минуты знакомства, но сейчас все было не так. Может быть, потому, что Артур был старше? Или смущало то, что его на фронт не брали? «Но он же не виноват, что у него легкие больные!»

– А сколько вам лет? – задиристо спросила Аля.

– Двадцать четыре. Что, много?

– Много.

– Так много, что даже адрес свой не дадите? – снова улыбнулся мужчина.

– Зачем вам мой адрес? – старательно нахмурилась Аля, хотя самой было приятно, что такой взрослый мужчина проявляет к ней интерес.

– Может, в гости как-нибудь загляну.

Аля заколебалась. Давать ему адрес или нет? А что бабушка скажет, и соседи тоже? И вообще, стыдно кокетничать в такое время...

Но ответить Аля не успела – завыл сигнал тревоги. Она

еще не успела к ним привыкнуть – от страха сердце ушло в пятки.

– Все в бомбоубежище! – выскочила из подворотни женщина с красной повязкой на руке – дежурная. – Ну, чего расцелись?! Сюда давайте, за угол!

Потом дежурная увидела двух мальчишек в конце сквера, и побежала к ним:

– Ребята, немедленно в укрытие! Что, жизнь не дорога?...

Аля вскочила, намереваясь бежать в бомбоубежище, но тут с изумлением обнаружила, что ее новый знакомый, Артур, направляется совсем в другую сторону. «Куда же он? Не понял, в какую сторону идти?» – мелькнуло у Али в голове.

И она повернула назад – за Артуром.

– Граждане, все в укрытие! – орала сзади дежурная. – Кому сказала!..

Артур бежал, не оглядываясь. Аля – за ним. Высоко в небе загудели вражеские самолеты, потом по ним захлопали наши зенитки. Задрожала земля от взрывов.

Было невыносимо страшно, но Аля, невольно пригибаясь, и прикрывая голову руками, короткими перебежками мчалась за Артуром. Может, человек от неожиданности голову потерял – ну как такого бросить на произвол судьбы?! Помочь же надо!

Потом Аля заметила, что Артур не выглядит испуганным и потерявшим от неожиданности голову человеком. Он явно и целенаправленно куда-то торопился.

«Может, у него дома кто остался? Мама или бабушка тоже, например? Или младший братик?»

Аля теперь уже вполне осознанно стремилась догнать Артура. Но тот рвался вперед, не оглядываясь. Подскочил к арке старого дома – уже давно предназначенного под снос. «А там-то ему что понадобилось?» – во второй раз изумилась Аля. Версия о старой бабушке и младшем братике провалилась.

Артур оглянулся – Аля невольно спряталась за угол дома. Потом, когда снова выглянула из-за угла, обнаружила, что Артур уже исчез.

Идти в арку заброшенного дома, в пустой, замкнутый со всех сторон дворик-колодец, ей что-то расхотелось.

Ругая себя почему зря (надо было сразу в укрытие бежать, а не догонять какого-то психа!), Аля стояла возле обшарпанной кирпичной стены, и дрожала.

А потом вдруг подняла голову и увидела, что с крыши старого дома, откуда-то из смотрового окна, летят в небо дугой зеленые огоньки.

«Что это?» – еще больше перепугалась Аля. Если в доме никого не было, кроме ее нового знакомого... То это его рук дело? И какой смысл в этих зеленых огоньках, летящих в одном направлении, словно пунктирная линия?..

Некоторое время Аля стояла и смотрела, а потом бросилась по переулкам назад, к убежищу. Долго плутала, теряя голову от страха и близких разрывов бомб, пока чья-то рука

не схватила ее за шиворот.

– Ну, чего, смерти захотела? Дура!

Это была та самая дежурная. Она втащила Алю в подвал.

В полутемном бомбоубежище на длинных скамьях сидели молчаливые люди, опустив головы. Даже дети не плакали. Аля села на свободное место, тоже почти уткнула голову в колени. Ей было жутко, и кроме того, не давала покоя мысль об Артуре. Что он делал в старом доме, он ли, или кто другой, пускал зеленые огоньки? И, главное, зачем? Стоит ли рассказать обо всем этом? А что, если Артур выполнял какое-то важное задание, а она провалит его, выдав, можно сказать, государственную тайну?...

Пока Аля думала, в отдалении грохотали разрывы бомб. С потолка сыпалась известка.

Через некоторое время раздался сигнал отбоя. Молчаливые люди медленно потянулись из подвала наверх, в город. Аля вышла последней и ахнула – в небо поднимались столбы черного и белого пламени. И пахло как-то странно. В городе что-то горело, и горело основательно.

Прибежал старик в потертом плаще.

– Слышали? – возбужденно жестикулируя, обратился он к людям. – Бадаевские склады только что разбомбили!

– Склады?

– Ну да... Пожарных там – тьма, но разве потушить! Горит и горит, горит и горит... Крупа, чай, кофе, мука, сахар!!!

На Бадаевских складах были основные запасы продоволь-

ствия окруженного почти со всех сторон врагами Ленинграда.

И только тогда Аля сообразила – зеленые огоньки летели именно в том направлении. В направлении Бадаевских складов. Они словно указывали фашистам самое уязвимое место города.

Зеленые огни – это и есть те самые сигнальные ракеты, о которых она слышала.

Было восьмое сентября 1941 года.

* * *

...Только через неделю (раньше не получилось, Бородин был под завязку занят, да и сейчас Лиза с трудом вымолила для своей подруги Саши десять минут) состоялся визит в клинику пластической хирургии.

Лиза подвезла подругу на собственном авто (настоящий «Мерседес», хоть и двадцатилетней давности).

– Желаю удачи!

– Ты не пойдешь со мной? – удивилась Саша.

– Нет. Не буду мешать. И ты уж, пожалуйста, Сашка, произведи на Виктора Викторовича впечатление...

Внутри клиники было красиво, как в раю. Стеклянная лестница, цветные витражи на окнах, люстра до полу, снежной чистоты кожаные белые диваны...

На ресепшене с ее слов заполнили карту.

– Вы к Бородину? Прошу... – медсестра с внешностью модели повела за собой Сашу по коридору, больше напоминающему картинную галерею. Навстречу, напевая и засунув руки в карманы штанов, шел заслуженный деятель шоу-бизнеса.

– Здравствуйте... – машинально пробормотала Саша.

Шоу-деятель ничего не ответил, прошел мимо.

– Вот сюда, заходите... – медсестра впустила Сашу в кабинет и закрыла за ней дверь.

«Ну вот, сейчас меня, наверное, обдерут как липку. Хотя Буракова и обещала оплатить счет, но...» Она не успела додумать.

– Добрый день! – из-за стола поднялся мужчина в белом халате. – Ну, что там у нас?

– Вот, ожог... – пробормотала Саша.

– Снимите повязку... Ой, какая некрасивая повязка! Кто же вам ее накладывал? – доброжелательно гудел Бородин.

– Заведующая аптекой. Она, между прочим, фармацевтический институт закончила...

– Очень хорошо, что закончила, – повторил Бородин, осторожно отлепляя пластырь от Сашиного лица. – Заведующая аптекой, значит?

Он, видимо, во время процедур привык говорить – что угодно, не думая – чтобы голосом успокоить своих пациентов.

– Ой!

– Ничего-ничего... На века было приклеено! – Бородин засмеялся, и Саша увидела его ровные, белые, очень красивые зубы.

Он был очень хорош. Очень. Немолод, но его возраст очаровывал. Шон Коннери, Ален Делон, Бельмондо – не в самых своих последних фильмах, где они уже значительно одряхлели, а чуть раньше – когда полуседые мачо лихо скакали через препятствия, играя еще рельефной мускулатурой... Вот с кем можно было сравнить Виктора Викторовича Бородина – с известным актером в зените своей славы. Наверное, дамы бальзаковского возраста его обожали. Молоденькие, особенно из тех, кто жаждал любви покровительственной, отцовской – теряли голову напрочь и таяли, таяли, таяли...

Интеллигентное живое лицо с сеточкой мелких морщин – когда улыбался; карие глаза, в которых светилось лукавство; темные, наполовину седые волосы, крепкая фигура... Не атлет, но и не доходяга, явно занимается спортом. Не стар, но и не молод – лет пятьдесят, пятьдесят пять на вид. Опыт и сила.

Воплощение гармонии. Золотой середины.

И плюс ко всему – не банальный бизнесмен, не скучный финансист, не всем надоевший политик, а человек благородной профессии. Врач, хирург, пусть и пластический...

Так вот он какой, Виктор Викторович Бородин. И за ним, наверное, шлейфом тянется поток благодарных поклонниц...

Глядя ему прямо в глаза и чувствуя прикосновение паль-

цев на лице, Саша поняла: Виктор Викторович – не про ее честь. Он слишком хорош, чтобы влюбиться именно в нее, в Сашу – такую, как она есть. Слишком простецкую. В джинсах и сандалиях, с минимумом косметики и ненакрашенными ногтями (и не потому не красилась, что и без макияжа выглядела безупречно, а потому, что было наплевать). «Да ему, наверное, женщины сами на шею вешаются! Отдаются, забыв обо всем – вот прямо здесь, в этом самом кресле... И пациентки, и медсестры – все!»

– Откуда ожог?

– Пожар тушила, – честно призналась Саша. Теперь, когда она поняла, что роман с Бородиным ей светить никак не может, она почувствовала себя значительно легче. И свободней.

– Удалось?

– Да. Девчонки... то есть коллеги – на обед свалили, а я не обедаю...

– Почему?

– Не знаю... Могу только завтракать и ужинать. Организм такой. Ну, вот и пришлось мне одной огонь тушить...

– Молодчина! – совершенно искренне произнес Бородин. Снова пробежал кончиками пальцев по ее лицу. – Так, и чего нас теперь смущает?

– Что шрам от ожога останется, вот что, – улыбнулась Саша. Она теперь была просто пациенткой, а этот человек – доктором. – Мы сразу после пожара поехали в травмпункт

(но там такая очередь!), а потом в одну клинику, и там мне сказали... – Саша пустилась в подробное повествование о своих злключениях.

– Ерунду тебе сказали. Денег слупить хотели, – Бородин, недослушав, снова сел за стол, стал писать что-то в карту.

– Да? Я почему-то так и подумала...

– Ожог пустяковый, почти зажил, еще чуть-чуть – и вообще следа не останется.

– И шрама не будет?

– И шрама не будет, – доброжелательно кивнул Бородин. – Можно было вообще повязку не накладывать – быстрее бы зажило, а так ранка подмокла чуть... Чем тебе твоя заведующая ожог мазала? – Саша назвала мазь. – В общем не совсем то, ну да ладно... Поверти-ка головой!

Сидя в кресле напротив доктора, Саша добросовестно стала поворачивать голову в разные стороны. Виктор Викторович внимательно, очень цепко смотрел на нее.

Смотрел и смотрел. Смотрел и смотрел... Скоро у Саши даже голова закружилась.

– Еще? – засмеялась она.

– Все, хватит... – кивнул он. Потом потер лоб и снова сунул в карту. – А тебе, Александра, уже столько лет! Я бы не подумал... Выглядишь гораздо моложе. А врача моей специальности, поверь, сложно обмануть.

Он принялся что-то писать в карте.

– Все говорят! – обрадовалась Саша. – Но это потому, что

я не сильно крашусь и одеваюсь по-молодежному. А на самом деле я дама бальзаковского возраста и уже два раза замужем была. Сходила бы и в третий, но не за кого...

Она болтала, не думая – как болтала бы с Лизой Акуловой, например.

– Ну-ну, до бальзаковского тебе еще далеко!

– А сколько я вам должна? – с простодушным любопытством спросила она.

– Нисколько.

– Что, правда? – поразилась она.

– Правда, Александра Филипповна... э-э... – он взгляделся в записи. – Севостьянова ты, да?

– Нет, Силантьева. Там неразборчиво написано. Я – Силантьева.

– Фамилия мужа?

– Нет. Почему-то все спрашивают... Я никогда не меняла фамилии. Как родилась Силантьевой, так ей осталась.

– Понятно... – Бородин устало потер лицо ладонями. Замер на мгновение, потом опустил руки вниз, и снова пристально посмотрел на Сашу.

– Что? – испугалась она. «Сейчас скажет, что ошибся, и шрам теперь у меня на всю жизнь останется!»

– Ты, Саша Силантьева, очень симпатичная девушка. Очень симпатичная молодая женщина, – медленно произнес Бородин. – Я таких не встречал. Вернее, как-то встретил один раз, но больше не удалось...

– То есть? – растерялась она.

– Так, не слушай старого дурака...

– Вы не старый, – тихо произнесла Саша. – И совсем не дурак.

Что-то неуловимо поменялось в его лице, отчего Саше вновь стало не по себе – как в первые мгновения их встречи. Он вновь был мужчиной, она – женщиной.

– Откуда ты знаешь, Саша Силантьева?

– Знаю, и все.

– Много ты знаешь...

Этот разговор уже решительно не напоминал беседу доктора и пациентки. Но в нем не было и той будоражащей интриги, той игры, того отважного кокетства – которые возникают в первые минуты знакомства... Как-то странно все было!

Сердце у Саши забилося – почти как тогда, во время пожара.

– Ты говоришь, не замужем? И нет никого?

– Никого. А почему вы спрашиваете? Решили этику нарушить, врачебную? – нахально спросила она.

Она имела в виду известное всем правило – никаких личных отношений, никаких романов между доктором и пациенткой. Бородин сразу понял, о чем говорит Саша.

– Может быть. А ты – против?

Он спрашивал напрямую. Он спрашивал прямо в лоб. И Саше надо было ответить только «да» или только «нет». Но

она выбрала третий путь:

– Не знаю.

– Тебя что-то смущает?

– Да.

– Что? Только честно...

– Я всегда говорю честно.

– Ну и говори.

– Я не верю, что такой мужчина как вы, мог заинтересоваться такой серой мышкой, как я.

– Во-первых, ты не серая мышка. Во-вторых, такой мужчина, как я, если и мог кем-то заинтересоваться, то только такой женщиной, как ты. – Он сделал небольшую паузу. – Объясняю, тоже честно – я уже давно не видел нормальных – и в физическом, и в психическом отношении – женщин. И пусть меня разорвут на части мои пациентки!

Саша улыбнулась.

– Что скажешь, Саша Силантьева?

Секунду Саша колебалась. Роман между ней и этим прекрасным мужчиной... Об этом можно было только мечтать!

– Нет, – сказала она, вставая. И ругая себя почему зря. Но почему-то не могла, не могла она сказать «да»! – До свидания, Виктор Викторович, спасибо...

Саша вышла из кабинета.

Только что она отвергла мужчину, который ей понравился. Настоящего мужчину – ведь именно о таком она мечтала, не так ли?..

От волнения Саша запуталась в лабиринте переходов, направилась совсем в другую сторону. Натолкнулась на стойку красоток, которые сидели вокруг кабинета с табличкой «Флеболог» и страстно обсуждали венозные «звездочки», а равно и те способы, которые помогли бы им от этих «звездочек» избавиться.

Машинально Саша посмотрела на обнаженные ноги красоток – стройные, очень длинные, абсолютно гладкие. «Это у них-то – вены не в порядке?!»

Далее мимо Саши продефилировала невероятной, фантастической красоты женщина, от которой пахло какими-то дивными духами... То, как была одета эта женщина, с каким вкусом были уложены ее волосы, как лежали тени на веках и прочая – Саша, как стилист, смогла полностью оценить. Беллиссима...

«Неужели и эта решила в себе что-то изменить? А может, уже поменяла, как и певица Шер, например...»

Были еще мужчины и женщины – не менее успешные и дорогие. Но был и какой-то несчастный с забинтованным лицом, и девочка, у которой одна нога была короче другой...

Найдя, наконец, коридор, который вел к выходу, Саша поняла, почему Виктор Викторович Бородин положил на нее глаз.

Она не была его пациенткой (шрам – ерунда, кроме шрама Сашу и не волновало ничего!). Она была такой, как есть. Без прикрас и ухищрений. В ней не было никаких физических

изъянов, которые действительно следовало бы устранить. А если и были, то они составляли индивидуальность Саши.

«Он, наверное, всех насквозь видит... Без косметики и одежды. Видит все складки и неровности. Видит, как все сделано или недоделано...»

Саша остановилась перед большим зеркалом у выхода и посмотрела на себя новыми глазами. «И чего я себя серой мышкой назвала... Красивая же!»

Она себя поедом теперь ела – за то, что отвергла Бородину. Такого мужчину! Можно сказать, свою мечту...

Но исправить что-либо было уже нельзя.

На стоянке ее в машине ждала Лиза.

– Садись... Как? Вылечил? Ты ему понравилась? Ох, вот что значит – золотые руки! – Лица вцепилась Саше в плечи и принялась ее вертеть. – Ты как новенькая! Только розовый отпечаток остался – вот здесь, на скуле, но ничего, запудрить – и ни следа! Сколько взял?

– Ничего он со мной не делал и денег тоже не взял, – принялась терпеливо объяснять Саша. – Только повязку снял, и все. И что значит – «п понравилась»?... Он же доктор!

– Холостой доктор!

– Ну и что? И пожалуйста, отстань от меня со своим Бородиным... Шрама не будет – и на том спасибо.

– А-а, а кто ныл, что нормальных мужчин не осталось? – злорадно напомнила Лиза. – Тут тебе нормального мужика чуть ли не на блюдечке предлагают, а ты нос воротишь!..

– Отстань. Лучше отвези меня домой.

– Ла-адно... – долго дуться Лиза не могла. – Слушай, мне техосмотр скоро надо делать.

– Что? – Саша была погружена в мысли о Бородине.

– Я говорю – техосмотр нужен! – Лиза слегка стукнула кулаком по рулю. – У тебя знакомые есть?

– Нет.

– Никого?

– Никого.

– Слушай, а твой Макс вроде тоже на колесах! – озарило Лизу. – А он-то как техосмотр проходит?

– Откуда я знаю!

– Ты позвони, узнай.

– Вот еще...

– Ради меня, Сашка!

– Я попробую с ним связаться. Хотя ничего не обещаю! – торопливо добавила Саша.

...Дома Саша принялась разбирать старые записные книжки в поисках телефона Макса.

Макс, он же Максим Олегович Таланкин, он же первый Сашин муж, работал в какой-то строительной фирме. Был груб и неадекватен. Горьким пьяницей или, что хуже – алкоголиком – никогда не являлся.

Но – *могнапиться*.

Редко, но метко. Чего стоит последний раз (по крайней мере тот, о котором Саша была осведомлена) – надрался, сел

за руль, стал таранить бетонное ограждение. Еле спасли – жизнь Максима висела на ниточке.

Он был без сознания. На каком-то клочке бумаги был записан Сашин телефон – ей позвонили из Склифосовского.

Она примчалась, хоть была в то время уже женой Тимоши. В реанимации лежал Макс – весь в трубочках, с подключенными приборами, в облачке алкогольных паров (а ведь второй день после аварии!).

– Свинья... – с отвращением сказала Саша.

– Ты о своем новом? – пожевав бескровными губами, булькнул Максим.

– *Ты* – свинья! Зачем пил – это твое дело, но зачем пьяным за руль сел?...

– Ты мне не жена больше! – булькнул Макс. – И нечего мне тут... проповеди всякие...

– Идиот! – Сашу буквально затрясло – так она его ненавидела.

– А ты сука...

Саша замахнулась, но медсестра вовремя вывела ее из палаты.

Вот и поговорили.

Нет, они еще несколько раз встречались, по каким-то там поводам матримониального характера. Макс долго лежал в больнице, одну ногу ему едва не оттапали. Затем ходил в каких-то страшных железяках, называемых «аппарат Илизарова». Потом – на костыле. Потом с тростью.

Его походка одно время была очень характерной: нормальный шаг – глухой стук костыля. Нормальный шаг – стук костыля... С тех самых пор Саша его и называла за глаза – Костыль-Нога. Макс – Костыль-Нога...

В глубине шкафа Саше в руки попался альбом с фотографиями.

Она даже открывать его не стала.

Фотографии мамы, тети Зои, ее собственные детские фотографии. Нет, эта часть прошлого тоже закрыта!

А это что? Записная книжка... Таланкин М.О. Интересно, сменился ли у него номер?

Саша сняла телефонную трубку. «Только ради Лизки!»

Долго никто не подходил. «Пьет, что ли?» Потом в трубке раздался смурной, грубый голос:

– Алё... Алё, я вас слушаю!

– Максим, привет.

– Ты, что ль? Подруга дней моих суровых...

– Я, – кротко ответила Саша, свято помня о Лизе, которая столько для нее сделала.

– Сколько лет, сколько зим! – зашипело, запыхтело в трубке, словно кто-то пытался завести антикварный патефон – это Макс смеялся.

– Много, Максик, очень много.

– Чё надо?

Саша с трудом удержалась, чтобы не бросить трубку. «Только ради Лизки!» – в очередной раз напомнила она себе.

– У меня к тебе дело.

– Дело? Ну подъезжай завтра, пообщаемся...

– Подъезжать, Макс, совсем необязательно, – принялась торопливо объяснять Саша. – Да и дело, если честно, не у меня, а у Лизы...

– Кто такая?

– Ах, да, ты ее не знаешь... Лиза Акулова, я с ней сейчас работаю...

– Познакомить нас, что ли, хочешь? – оживился на том конце провода Максим. – Гы-гы-гы...

«Господи, дай мне терпения! – мысленно взмолилась Саша. – Ты же знаешь, не для себя стараюсь...»

– Нет, Макс, я не враг своим подругам, я им пакостить не собираюсь. Просто Лизе надо срочно пройти техосмотр, а у тебя есть связи, насколько я помню...

– А ты-то машину так и не завела? – перебил Макс.

– Нет. А вот Лиза – автовладелица, и она очень нуждается...

– А Поросяткин твой – что, тоже до сих пор не на колесах? Его все жаба душит – машину купить?

– Какой Поросяткин? – опешила Саша. Потом поняла – Макс говорит о ее втором муже. Кажется, Макс не в курсе, что она уже давным-давно развелась с Тимошей Свиным! – Послушай, дорогой, давай без оскорблений, а то я сейчас закончу этот разговор...

– Все-все, больше не буду! – притворно испугался Макс. –

Я понял, понял – твоя подруга Лариса нуждается в техосмотре!

– Не Лариса, а Лиза... И не Лиза, а ее машина.

– Один хрен... Я готов помочь. Как бывший муж и просто добрый человек! Подъезжай завтра, обсудим.

– Да я-то тут при чем?! – начала уже откровенно нервничать Саша. – Зачем мне куда-то ехать? Ты теперь с Лизой говори, дай ей нужный телефон, координаты того, кто ей с техосмотром поможет, и все такое...

– Нет, будем играть по моим правилам, – нахально заявил бывший. – Приезжай, я хочу на тебя посмотреть. Сто лет не виделись! Чё те, жалко, что ли? Я ж тебя не к себе домой зову, а в приличное место... Посидим где-нибудь, поболтаем. Расскажешь про жизнь свою семейную, я – про свою...

– У тебя кто-то есть? – изумилась Саша. Она ощутила нестерпимую жалость к той несчастной, которая согласилась стать спутницей Максима Таланкина.

– А что, я не мужик, что ли! – обиделся Макс.

– Ну да, ну да... Слушай, а она... твоя нынешняя... она не будет тебя ревновать? Может быть, не стоит ей давать повод для ревности?

– Моя нынешняя, как ты выражаешься – нормальная женщина, голова у нее на месте, а в голове у нее – мозги, между прочим! – забубнил Макс. – Не, ревновать она не будет, это я тебе гарантирую.

«А я, значит, ненормальная. Голова у меня не на месте –

это раз, и в голове у меня не мозги, а какая-то другая субстанция – это два... – начала привычно рефлексировать Саша. – Впрочем, ладно, посмотрю на Максика, лишний раз порадуюсь, от какого «сокровища» избавилась!»

– Хорошо, давай встретимся. Говори, где? – кротко произнесла Саша.

– Ты это... Сейчас я тебе адрес скажу, а ты к шести подгребай, у меня в шесть рабочий день заканчивается...

– Диктуй адрес.

– Щас. Значит так, подробно и простенько объясняю план проезда для тех, кто страдает топографическим кретинизмом...

subтПрошломое

Каждый день Аля думала о том, что ее жизнь могла быть совсем иной.

Например, она могла вместе с мамой и младшей сестрой Зойкой уехать из Ленинграда еще летом, сразу после того, как Гитлер напал на страну.

Дело в том, что незадолго до войны мама вышла второй раз замуж – за военного, полковника Брусницына. Брусницын был давно вдовцом, служил на границе, и ему даже орден дали – за особые заслуги. Однажды он приехал в Ленинград, увидел маму, влюбился, а через пару дней расписался с ней – поскольку являлся человеком военным, привыкшим к стремительности, и времени на всякие сантименты у него не было.

Через год у мамы родилась Зойка.

И такая миленькая-красивенькая, что люди буквально проходу не давали – «ах, какая у вас замечательная девочка!». Зойка была пухленькой, точно булочка, беленькой, с белыми кудряшками, синими глазами и ямочками на щеках. А Брусницын любил свою дочь так, что, наверное, любого за нее убил – даже трибунала бы не побоялся.

Ревновала ли Аля к Зойке? И да, и нет. Зойку она любила – такую куколку нельзя не любить. Но Але хотелось, чтобы и к ней относились с такой же страстью, с таким самозабвенным обожанием, как мать и Брусницын относились к Зойке.

Что касается бабушки, то она к браку дочери с Брусницыным отнеслась очень скептически: «Ты кого лучше могла бы выбрать! Вот я, в прошлые-то годы... Анфиска, подтверди!» – обращалась она к Анфисе Тимофеевне, старой деве и вечной институтке.

Бабушка – Ольга Михайловна, завидовала всем. Дочери – за то, что вышла замуж и была еще молода. Але – что ее считали хорошенькой, и у нее вся жизнь была впереди. А крошечной Зойке – что та была хорошенькой, что у нее тоже вся жизнь была впереди, и что вообще та как сыр в масле каталась! Только Анфисе Тимофеевне не завидовала.

А потом грянула война. Из Ленинграда стали эвакуировать стариков и детей. Брусницын, с его связями (к этому времени он уже стал генералом), легко и без всяких проблем мог вывезти всю семью. О чем, собственно, он и стал сразу

хлопотать.

Но тут случилась загвоздка – бабушка, Ольга Михайловна, решительно отказалась уезжать. Все потому, что Анфиса Тимофеевна оставалась в Ленинграде. А чем она, Ольга Михайловна, хуже Анфиски?

Мама была в отчаянии – Брусницын требовал ее с Зойкой немедленного отъезда из города, к которому приближался фронт. Но как оставить старенькую, больную Ольгу Михайловну?

Аля предложила: «Мама, я останусь с бабушкой. А вы с Зойкой уезжайте».

Мама рыдала и рвала на себе волосы. В любом случае ей приходилось кем-то жертвовать. В конце концов, Аля сумела ее уговорить – «Мам, мы с бабушкой скоро приедем к вам. Бабушке надоест упрямиться, вот увидишь!».

В жаркий августовский день Аля провожала мать и Зойку на вокзале. Поезд очень долго не подавали, мать пару раз падала в обморок, Зойка от плача уснула на руках у Али. Наконец поезд подали.

Аля протянула в окно матери спящую Зойку, долго махала рукой, старательно улыбалась. «Все будет хорошо, мамочка, не грусти!»

Дома Алю ждала хмурая, злая бабушка. Она, кажется, уже начинала жалеть о том, что осталась в Ленинграде.

Затем Аля работала на «оборонке» – копала окопы под Ленинградом. Потом устроилась в госпиталь. В начале сен-

тября госпиталь разбомбили, и Аля осталась не у дел.

Бабушка наконец решилась уезжать. Но к тому времени поезда уже не ходили. Можно было уехать водным транспортом по Ладожскому озеру, но скоро и этот путь был отрезан. Оставался третий вариант – улететь на самолете, но это было практически невозможно. Даже Брусницын с его связями не мог это устроить. К тому же самолеты часто сбивали – большой риск как-никак...

Так Аля с бабушкой остались в осажденном городе.

А еще Аля думала о том, что было бы, если бы она вовремя донесла на Артура. Конечно, она не видела, что это именно он пускал ракеты, но...

Эта мысль была самой страшной, самой тяжелой – а что, если именно по ее, Алькиной вине, город остался без продовольствия?.. Но, с другой стороны, если Артур не был диверсантом, а она донесла бы на него – Артура могли расстрелять на месте. Даже не задумываясь. Потому что война...

Чувство вины и сомнения денно и нощно грызли Алю.

Однажды она видела, как на Невском толпа чуть не растерзала немолодого, элегантно одетого мужчину – его приняли за диверсанта.

В городе царил настоящая шпиономания. Всякого, хоть чем-то отличающегося от окружающих, немедленно хватали и волокли в милицию. Слишком хорошо одет, слишком подозрительное выражение лица, слишком странный акцент... Каждый день по несколько человек вылавливали из толпы.

Постовых милиционеров буквально задержали требованиями проверить документы у очередного кандидата в диверсанты. Доходило до абсурда – если постовой слишком часто отпускал задержанных, его тоже начинали подозревать. А сам-то он – не диверсант?!

Аля все это видела и знала. И не хотела, чтобы по ее вине поймали невинного человека. Конечно, потом бы в милиции разобрались, но... Как уже говорилось, могли и расстрелять впопыхах. Однажды Аля видела, как вели на расстрел мужчину, укравшего батон. Он твердил, что украл его для своих голодных детей. Но люди в форме неумолимо волокли его за руки. Мужчина уже не кричал, а от безысходности выли страшным голосом...

Его было ужасно жаль, но изменить что-то – нельзя. Закон для всех один. Один раз проявишь слабинку – и все рухнет к черту, воровство станет повсеместным, лавиной захлестнет город. В Ленинграде царила жесткая дисциплина.

Поэтому Аля, боясь совершить ошибку, часто ходила по Ленинграду в поисках Артура. «Я буду за ним следить, смогу убедиться, что он диверсант, и уж тогда... Ох, как ему не поздоровится тогда!»

Но Артур точно под землю провалился.

– Ну где ты все шляешься? – ворчанием встречала Алю бабушка. – Я все одна да одна...

– Сходи к своей Анфисе.

– Анфиска – дрянь. Я из-за нее в Ленинграде осталась, а

зря... Ты знаешь, Алечка, я вспомнила, как в шестом классе Анфиска украла у меня кольцо. Золотое, вот с таким бриллиантом – подарок крестной. Если б у меня сейчас было это кольцо, я бы пошла на Сытный рынок, его на хлеб поменяла! Я сейчас бы чувствовала себя гораздо лучше!

Аля не поверила в историю с кольцом.

С Ольгой Михайловной творилось что-то странное. Она словно помешалась и во всех своих бедах обвиняла теперь старую институтскую подружку. Аля не раз указывала бабушке, что это она сама, по собственной воле решила остаться в осажденном Ленинграде, но старуха не желала слушать внучку. «Нет! Это Анфиска, Анфиска меня заставила остаться!» А еще Ольга Михайловна требовала у Али еды. Однажды отняла ту скудную пайку, что Аля получила по карточкам, и съела все сама. Это был обычный старческий эгоизм, проявление болезни, но Але от этого не стало легче.

Война выявляла человеческие характеры.

Взять, например, Анфису Тимофеевну, над которой раньше посмеивался весь двор (она жила в соседнем подъезде). «Божий одуванчик», старая дева, любительница старинных романов и слезливых стихов... Теперь Анфиса Тимофеевна со стоицизмом и кротостью выдерживала все тяготы блокадной жизни. Сидела с соседскими детьми, чьи родители днями и ночами пропадали на заводах, что-то кому-то шила, помогала, как могла...

Аля ходила отоваривать ей карточки, и каждый раз Ан-

фиса Тимофеевна пыталась поделиться с ней хлебом. Аля никогда не брала.

Потом Анфиса Тимофеевна умерла. Аля узнала случайно, что весь свой паек бывшая ученица Смольного в последнее время отдавала детям.

...Огромная коммунальная квартира, в которой раньше жило двадцать семей, почти опустела. Кто эвакуировался в начале войны, кто жил на казарменном положении на заводе, кто умер от голода. Остались только Аля с бабушкой, семья беженцев, да Борис – молодой мужчина, добровольцем воевавший в Испании. Бориса там ранили в голову, и с тех пор он то и дело падал от приступов, напоминающих эпилепсию.

Он рвался на фронт, а его не брали. Борис чувствовал себя таким ушибленным, что плакал самыми настоящими слезами, устраивал истерики на кухне... Але он был неприятен.

Однажды, в семь тридцать, как всегда по утрам, завыл сигнал тревоги.

– Летят! Пунктуальные, сволочи! Эх, если б можно было, я бы им... – зашелся в истерике Борис за стеной.

Аля быстро оделась и спустилась в бомбоубежище. Бабушка осталась в квартире – у нее так распухли ноги, что она уже не могла передвигаться.

Взрывы, содрогания земли...

Когда Аля вылезла из убежища, оказалось, что разбомбили соседнюю булочную.

– Граждане, не расходитесь! – командовала Роза, управ-

дом. – Берем лопаты, откапываем тех, кто остался в живых. Не расходиться! Вас завалит, вас тоже откапывать будут!

Но никто и не думал расходиться.

Аля взяла лопату и побрела к развалинам булочной.

Доски, битый кирпич, клубы пыли... Борис, выпучив глаза, качал насос – подвал булочной залило водой из прорвавшегося водопровода.

Мертвая женщина. Еще одна мертвая, с ясным спокойным лицом. Ребенок, мертвый. Не испытывая никаких особых чувств, кроме усталости, Аля продолжала копать. Вдруг увидела тонкую руку с длинными пальцами. Отбросила назад доску, а под ней обнаружила тощего, совершенно седого старика с белым от извести лицом. Жив ли?

Аля прикоснулась к его лицу, и старик чихнул. Потом открыл ясные, ярко-синие глаза и произнес мальчишеским голосом:

– Здравсте-пожалуйста... Ты кто?

– Я Аля, – буркнула она. – Жив и радуйся. Кости целы?

– Кажется, да... Оглушило только, – спасенный сел, пощупал затылок. Потом отряхнул известку с волос, и стало ясно, что никакой это не старик, а мальчишка. Ровесник Али, или, может быть, даже младше – уж больно тощий, маленький.

Аля подала ему руку, и он встал.

– Ты меня спасла, – серьезно произнес он. – Ты, значит, моя спасительница. Откопала меня!

– Да ну, брось... – вяло произнесла Аля. – Раз живой-здо-

ровый, бери лопату, откапывай сам других.

Так они познакомились.

Мальчишку звали Дмитрием, Митькой, и был он действительно ровесником Альки. Жил на соседней улице, до войны ходил в соседнюю школу.

И как-то так само собой, незаметно, они подружились. Два подростка – бесплотных и бесполох, две тени в аду блокадного города.

Вместе дежурили в группе самозащиты – сбрасывали с крыши дома фугаски. Вместе таскали воду из Невы (к тому времени в Ленинграде уже не работали ни водопровод, ни канализация, ни отопление). Вместе искали дрова для «буржуйки». Вместе сидели в бомбоубежище, пока метроном бесстрастно отсчитывал секунды. Отнимали кошку у какого-то дядьки – тот собирался ее съесть, судя по всему. Разыскивали мать потерявшегося ребенка. Вместе ходили на концерт Клавдии Шульженко.

Однажды Митя пришел к Але и ее бабушке с мешком.

– Во, гляди, чего принес! – с гордостью произнес он. – На часы выменял.

– Что это? – удивилась Аля, заглянув в мешок. – Это же обычная земля!

– Скажешь тоже! Это земля, которую возле Бадаевских складов накопили. Когда склады горели, песок расплавился, рекой по земле тек... Живем! Где у вас тут кастрюли?

Аля с удивлением наблюдала за своим новым другом. Ми-

ты растворил землю в воде, дал ей отстояться, слил в другую кастрюлю, оставив на дне первой песок, и вскипятил бурую воду. Запахло кофе.

– Сладкое... Я ж говорю – тут сахар расплавленный, кофе тоже... Вкусно?

– Очень, – обжигаясь горячим напитком, честно сказала Аля. – Ты тоже пей, чего смотришь!

– Мне, мне кофею дайте! – требовательно закричала Ольга Михайловна из своего кресла. – Немедленно!

– Ну как же без вас, бабушка... – усмехнулся Митя и подал старухе земляного варева. – Без вас никуда!

– Митька, ты знаешь, а ты ведь мне снился... – вдруг вспомнила Аля.

– Когда? Сегодня?

– Нет, раньше. Давно. Так бывает? Может быть, вещие сны действительно существуют, да?

– Не знаю.

– Ты прямо нас спасаешь, Митька...

– Брось... Ты меня тоже спасла, забыла? – он посмотрел ей в лицо своими ярко-синими, точно летнее небо, глазами.

Аля вздохнула.

А потом, осторожно отпивая из чашки, Аля снова подумала об Артуре. Где он, что делает. Виновен или нет...

...О том, что скотина Макс издевается над ней, Саша могла сообразить еще вчера.

Отпросившись на час раньше у Бураковой, Саша поехала в метро на противоположный конец Москвы. В жуткой давке, кстати сказать... Затем села в маршрутку и долго кружила в ней мимо гаражей и гигантских труб – по какой-то пролетарской окраине.

– Пожалуйста, вот здесь остановитесь! – крикнула она водителю, сверяясь со своими записями, которые ей вчера надиктовал бывший муж.

– Что, здесь остановить? – почему-то удивился водитель маршрутки.

– Да, здесь. А почему вы спрашиваете?

– Да так... – водитель послушно затормозил возле набережной.

Саша вылезла из маршрутки и огляделась. Все приметы совпадали.

Набережная. Длиннейший забор, за которым рычат экскаваторы и видны многометровые кучи песка. Из воды торчат сваи, рабочие сваривают арматуру... Табличка – строительные работы ведет фирма такая-то, до такого-то квартала такого-то года, просим извинения за временные неудобства. Именно у этой таблички Макс и велел ждать его.

Что Саша и стала терпеливо делать, хотя на часах было уже десять минут седьмого. Внезапно сзади загудело – Саша шарахнулась в сторону. Мимо проехала бетономешалка. Долго разворачивалась у ворот, ведущих на стройку, пускала в воздух сизый дым, опять гудела, один из рабочих давал ценные указания, как лучше проехать в ворота, причем указания эти были очень, очень далеки от литературного языка...

Саша с брезгливым страхом наблюдала за происходящим. Именно здесь, за этим забором, работал сейчас ее бывший муж. Строитель мостов. Таланкин М.О.

И, именно в половине седьмого, Сашу наконец озарило – этот самый Таланкин М.О. устроил ей очередную пакость. По старой памяти.

Но Саша отступать была не намерена. Теперь уже ей самой очень хотелось видеть Таланкина М.О. И она очень хотела сказать ему несколько слов примерно на том же языке, который она только что слышала от рабочего...

Саша зашла в ворота, скользя в грязи.

– Девушка, сюда нельзя! – выскочил из будки охранник, пытаясь перекричать шум экскаваторов.

– Мне нужен Таланкин!

– Кто?

– Таланкин Максим Олегович!

– А вы кто?

– Я его бывшая жена, и мы договорились...

– Жена? – проорал охранник.

– Бывшая!!!

– Минутку... – охранник нырнул к себе в будку, принялся кому-то звонить. Саша терпеливо ждала.

Охранник вылез из будки.

– Девушка! А он ушел уже!

«Так я и знала. Вот дура-то! И как мне теперь отсюда выбираться?» – в бессильной ярости подумала Саша.

Она, скользя по грязи, выскочила за ворота. Принялась обтирать о бордюрный камень свои сандалии.

Сзади бибикнули. Саша вздрогнула, оглянулась – под вывеской стояла машина, а у машины – ее бывший супруг, Макс. Одной рукой он опирался на трость, другой давил на гудок.

– Эй, Александра, ты чего опаздываешь? – весело крикнул он издали. И заковылял навстречу, опираясь на трость.

Все такой же. Невысокий, худощавый, жилистый. С темными лохматыми волосами до плеч. Со странным, некрасивым лицом. На котором горели изуверским блеском темные глаза. Причем глаза у Макса были очень странные – то серые, то в зелень, то чуть ли не фиолетовые... Глаза-хамелеоны. Сейчас вот, например, они казались темными, почти черными.

«Нестор Махно, да и только!» – вздохнув, подумала Саша.

– Это ты опаздываешь, а не я! – сердито крикнула она.

– А куда поперлась? Я ж сказал, где меня ждать! – он по-

дошел, потряс ее за плечо своей небольшой, но тяжелой рукой. – Привет, госпожа Поросенкина!

«Сказать или нет? Что я уже давно разошлась... Нет, не скажу!»

– Привет.

– Садись давай...

Все у Макса было не так. Машина – вроде приличная, достаточно дорогая – выглядела совершенно убитой и грязной. Внутри пахло какой-то дрянью, слой песка на коврике... У задних сидений, под ногами, опять же, перекатывались пустые бутылки. Хоть и не водочные, из-под минералки, но все равно – безобразие!

И сам Макс. Вроде бы интеллигентный человек, наверное, в начальниках уже, закончил институт – то ли строительный, то ли автодорожный (Саша точно не помнила), небедный – а как одет? Все в нем в Саше – стилисте и модельере – вызывало протест. Жуткие брюки, слишком широкие снизу. Рубашка – очень хорошая, явно недешевая – не по размеру. И по цвету с брюками не сочетается. И вообще это не его цвет...

Про ботинки лучше не говорить – они были в ужасном состоянии. Разбитые вдрызг, со скошенными каблуками. Хотя, конечно, с ногами у Макса не в порядке, но это тоже не оправдание!

– Хорошо выглядишь... – буркнул он.

Машина резко вильнула.

– На дорогу смотри, а не на меня! – рывкнула Саша.

Остановились у какого-то погребка.

– Кормят здесь очень хорошо... Ты голодная?

– Нет.

– А я так очень даже...

Он заказал очень много. Саша – только клубнику со взбитыми сливками и мороженое.

– Да ты не бойсь, не обеднею!

– Перестань, Макс.

Он ел с аппетитом, как всегда, много. Не в коня корм, называется... Саша решила поддержать разговор:

– Как зовут твою новую? Кто она?

– Ревнуешь?

– Перестань, Макс.

– Светланой ее зовут, – подумав, изрек тот.

– А дети есть?

– Есть. Мальчик и девочка, – уписывая мясо из горшочка, самодовольно ответил Макс. Потом добавил: – Близнецы.

– Поздравляю! – улыбнулась Саша. – А как зовут?

– Маша и Даша.

Улыбка сползла с Шашиного лица.

– Миша! Миша и Даша. Вот, – поспешно поправился бывший муж. – Оговорился я. И нечего на меня так смотреть. Оговорился я! С кем не бывает...

Саша уже не могла находиться с ним рядом. Ковырялась в креманке и думала только об одном – как бы поскорее удрать.

– А Поросенкин твой как?

– Прекрасно. Макс...

– Что?

– Почему ты до сих пор с тростью ходишь?

– Ну как... Без нее мне трудно ходить.

– Ты, наверное, ногу совсем не разрабатываешь? Ленишься? На процедуры не ходишь?

Максим закашлялся:

– Ты это... Заботливая ты моя! И без тебя есть, кому обо мне позаботиться!

– Как ты мне надоел... Ты мне на тысячу лет вперед надоел! – с ненавистью вздохнула Саша.

– Успокойся, ты мне тоже.

– Где координаты того человека, который может помочь Лизе? Ты обещал!

– Вот, пожалуйста... – Макс набросал на салфетке несколько цифр.

– Все, до свиданья... – Саша схватила салфетку и вышла из-за стола.

– Ты куда?

– Домой.

– Давай я тебя хотя бы до метро подброшу...

– Нет, спасибо.

– Эй... Александра!

Но она даже оглядываться не стала. Должно еще лет десять пройти, прежде чем она снова согласится увидеть быв-

шего мужа!

Дома Саша оказалась в половине десятого вечера – усталая, мокрая от жары, злая.

Как вошла, сразу же зазвонил городской телефон.

– Алло!

– Саша? Добрый вечер. А я вам целый день звоню...

– Добрый вечер... – пробормотала Саша. Сердце ее стремительно забилося – она узнала голос. – Виктор Викторович? Откуда у вас мой номер?

– Очень просто – он был в карте записан.

– А-а... Вообще-то вы ко мне на «ты» обращались.

– Привычка врачебная. Давайте... давай на «ты». Саша, ты... Ты что завтра делаешь?

– Ты хочешь назначить мне свидание? – в первый раз за этот вечер улыбнулась она. – И как мне тебя называть – Виктор, Витя?

– Как угодно. Да, я назначаю тебе свидание... – его голос – мягкий, низкий – завораживал. – Встретимся?

– Встретимся!

Это было больше чем чудо. Он нашел ее. Он все-таки решил не отступаться!

– Тогда я завтра заеду за тобой. В восемь вечера. Устроит?

– Вполне. Сейчас скажу адрес...

– Саша, Саша, я и адрес твой знаю!

– Ах, ну да... – смутилась она.

«Кажется, жизнь налаживается!» – Саша была в таком

восторге, что тут же забыла о неудачном вечере.

Виктор Викторович Бородин был мужчиной исключительно пунктуальным (не то, что некоторые!). Заехал за Сашей ровно в двадцать ноль-ноль.

Повез Сашу в очень красивое место – летний ресторан где-то почти в пригороде, с цветущими на клумбах розами, скульптурами греческих богов и дворянской усадьбой на заднем плане, а ныне музеем. Все чинно, благородно и в то же время как-то ненавязчиво...

Но Саша, хоть и в самых лучших своих джинсах и модном топики с принтами, в первый раз подумала: «Надо меняться как-то, что ли... Правильно Лизка говорит – сапожник без сапог!» Она почувствовала, что не совсем соответствует этому месту, а главное, самому Виктору Викторовичу Бородину. Тот был в костюме, при галстуке, с благородной сединой... «Я рядом с ним – как девчонка. Его дочь!»

Как уже упоминалось, Саша по своему образованию была модельером. Все, что касалось стиля – она знала. Форма, цвет, фактура ткани... Шла по городу, и видела, что надо поменять в каждой проходящей мимо женщине, а что – оставить как есть. Представляла, с какой обувью и украшениями одежда должна сочетаться. Какой должна быть прическа и макияж. От иных женских экземпляров приходила в шок. От других – в восторг: «Надо же, какое оригинальное и смелое решение!» Она шила всем своим подругам платья на свадьбу. А также блузки, юбки, пальто... Делала все стреми-

тельно и не задумываясь. «Какая красота! – ахали благодарные подруги, любуясь ее работой. – Ни у кого такого больше нет!»

Но себя, как женщину, Саша не видела. Или не хотела видеть. Почему?

– Покажи личико... Тьфу-тьфу-тьфу. Я же сказал – заживет все без следа! – он снова заставил ее повертеть головой.

– Я уже забыла про свой ожог... – улыбнулась она.

– Как же это все-таки произошло? – с интересом спросил Бородин. – Поподробнее...

– Глупая история. Дело в том, что я работаю модельером на швейной фабрике... Курение у нас запрещено. Но девчонки дымят – будь здоров! Хотя здоровья у них, от этого, конечно, не прибавляется... И вот, ушли они все на обед, а я, наоборот, только пришла. Чувствую – дымом пахнет... – принялась рассказывать Саша.

Бородин слушал ее очень внимательно, даже вилку отложил. Задавал вопросы. Качал удивленно головой, восхищался Сашиным бесстрашием. Снова задавал вопросы – словно пытаясь представить, как именно все произошло.

– ...Где? А, значит, здесь у вас балкон, а здесь – столы с этим, как ты его называешь...

– С синтепоном!

– Послушай, но правы твои пожарные – если бы огонь разгорелся, ты действительно оказалась бы отрезанной от выхода! – ужаснулся Бородин. – А этаж какой? Второй? Можно

было спрыгнуть в крайнем случае...

– Второй-то он второй, но... Учти, что здание – бывший Дом культуры. Первый этаж – с очень высоким потолком. Там раньше кино показывали, спектакли. На самом деле по метражу наш второй этаж – как обычный четвертый.

– Н-да, уже просто так не спрыгнешь с такой-то высоты...

Мало кто из мужчин, даже очень сильно влюбленных, проявляет такой интерес к чужой жизни. Саша была очарована и растрогана вниманием Бородина к своей особе.

После ужина в ресторане они катались по Москве (машина у пластического хирурга была под стать хозяину – представительского класса, элегантная и мужественная. Внутри пахло кожей, и только!).

Потом наступил момент, когда двое обычно чувствуют себя неловко – а дальше-то что? Но поскольку Бородин был очень мил, а Саша – почти влюблена, то все произошло как-то само собой. Как Виктор Викторович оказался у нее дома, Саша не заметила, да в общем ее никогда не волновали тонкости этикета. Она старалась жить так, как ей хочется – и все.

А сейчас ей хотелось только одного – никогда не расставаться с этим мужчиной.

– Ты живешь здесь одна? – проходя по квартире с бокалом вина (купили по дороге), озабоченно спросил Бородин.

– Да. Одна.

– А раньше?

– Тебя интересует моя личная жизнь? Хорошо, скажу – я

была два раза замужем...

– Нет, я не про то! – перебил он. – Мать, отец, братья-сестры... Есть кто-нибудь? – одной рукой он обнял ее за плечи.

– Нет. Я, к твоему сведению, – сирота. Меня воспитывала бабка, да и то не родная, двоюродная... Она уже давно умерла, – призналась Саша.

– О, прости! – вздрогнул он. – Но что же – родители? Где они?

– Лучше не спрашивай. Потом как-нибудь...

– Нет, я хочу знать! – Бородин поставил бокал на книжную полку, повернул Сашу к себе. Его лицо, взволнованное и серьезное, было теперь прямо перед ней.

– Мать у меня – ангел, а отец – дьявол... – пробормотала Саша с тоской. – Но, пожалуйста, не заставляй меня рассказывать эту историю, а то я плакать буду... Я всегда плачу, когда вспоминаю.

– Хорошо, не буду... Не говори ничего... – он поцеловал ее. – Я не хочу, чтобы ты плакала. Я не хочу, чтобы ты плакала, моя девочка.

– Твоя девочка? – едва слышно повторила она.

– Да, ты моя девочка. Такая юная... Ты слишком хороша для меня. Я старый гриб, а ты...

– Все не так! Я не юная, а ты – не старый!

– Значит, ты не считаешь меня старым? Правда?

– Правда...

– Это хорошо... Когда ты тогда, в клинике, отвергла меня,

я... – в голосе Бородина было искреннее волнение.

– Я не отвергала тебя, я просто не могла поверить, что могу тебе нравиться! – прошептала Саша, обнимая его.

Они целовались и шептались, шептались и целовались. Бородин оказался нежен, добр, страстен, а у Саши тысячу лет никого не было... Словом, она потеряла голову. Она уже не могла сказать про себя – «почти влюбилась». Она была влюблена без всякого «почти».

...Несколько раз за ночь Бородин включал свет и смотрел на Сашу.

– Что? – сонная, она пыталась закрыть лицо руками.

Он молча отводил ее руки и смотрел, смотрел... С жадностью и восторгом. Так на Сашу еще никто никогда не смотрел. Бородин чуть ли не молился на нее. Потом начинал целовать – лицо, плечи, руки... Саша не ожидала такой прити от своего нового знакомого, и, под конец, даже стала думать – уж не действие ли это какого-нибудь волшебного препарата?

– Открой глаза... Смотри прямо на меня. Ох, Саша, Саша, Сашенька...

Нет, такую нежность никакой виагрой нельзя было вызывать. Похоже, почтенный Виктор Викторович тоже влюбился.

Под утро они, наконец, заснули, но даже во сне Бородин не выпускал Сашу из своих объятий.

Утром он ушел – да и то, только потому, что надо было в

клинику, несмотря на то что день был воскресный.

Саша набрала номер Лизы.

– Привет... Ты не поверишь, но я, кажется, встретила свой идеал.

– Он кто? – быстро спросила Лиза.

– Бородин.

– Ах ты... а говорила... ну, Сашка, обманщица...

– Молчи! Я боюсь, что долго это не продлится! – с отчаянием произнесла Саша. – Все очень хорошо. Даже слишком...

– Дурочка! Ты просто боишься радоваться!

– Но я не верю, чтобы такой мужчина, как он...

– Мог заинтересоваться тобой? – закончила ее фразу Лиза. – Трижды дурочка! У тебя совершенно нет самоуважения, ты не умеешь себя ценить!

– У меня никогда не было долгих романов, я всех теряла... А вдруг и в этот раз?..

– В этот раз все будет хорошо! Кстати, техосмотр я прошла. Спасибо Максусу.

– Кому? А, да...

Едва Саша положила трубку, ей позвонил Бородин. Сказал, что соскучился. Потом позвонил в середине дня, и снова сказал что-то приятное.

– Вечером встретимся?

– Да! – тут же ответила Саша. – А то, ты знаешь, у меня впечатление, будто все это мне приснилось!..

– Милая ты моя... – растроганно засмеялся тот.

«Какой он необыкновенный! Мне очень, очень повезло! – дожидаясь вечера, Саша бесцельно бродила по квартире. – А если он сделает мне предложение? Такой серьезный человек... не может не сделать! Не сейчас, конечно, а потом... Соглашаться, или нет? Конечно, соглашаться! И я должна ему все рассказать...» – от этой мысли Саше стало немного нехорошо.

Она не солгала Бородину, когда вчерашним вечером просила не расспрашивать ее о родителях. О прошлом без слез вспоминать было невозможно.

Ее мать – ангел. Отец – дьявол.

Саша снова достала альбом с семейными фотографиями. Она почти никогда не открывала его, хотя фото отца там не было. Но каждая страничка альбома словно напоминала – этот человек существовал. Это он все разрушил. Уничтожил. Стер улыбки со счастливых лиц...

Саша заставила себя открыть альбом.

Она словно репетировала то, что собиралась в скором времени поведать Бородину.

– Мапочка. Моя мамочка... – Саша ладонью погладила фото на первой странице.

На нее смотрела мама – юная и очень красивая. Здесь ей лет семнадцать, она еще в школьной форме... В те времена была школьная форма – коричневые платья и белые фартучки – по праздничным дням. В будни – черные...

Мама улыбалась печально, нежно и как-то обреченно – словно предчувствуя то, что ждало ее впереди.

Вот мама в свадебном платье. Здесь ей восемнадцать. Уже заметно аккуратный, круглый животик. В нем – Саша... Но жениха рядом нет – поскольку часть фотографии отрезана. Отрезана и уничтожена. Ясно, кто там был запечатлен...

Вот она, Саша, младенцем – у родной бабушки на руках. «Какое счастье, что бабушка так и не узнала... – вытирая слезы, в тысячный, миллионный раз подумала Саша. – Это ужасно, когда родители переживают собственных детей! Так что в каком-то смысле бабуле повезло. Всего за пару месяцев до мамы!»

Бабушка Саши умерла своей смертью. А через несколько недель убили ее дочь, маму Саши. Самой Саше было в то время три года. А убил Сашину маму ее муж, то есть – Сашин отец.

В общем-то история была вполне банальной, бытовой – муж убил жену. Большинство преступлений совершается на бытовой почве – по глупости, зависти, из ненависти, ревности... Это только в кино и книгах рассказывается о жутких и загадочных преступлениях, разгадать которые под силу только хитроумному сыщику.

Но Саше не было легче от того, что тайну смерти ее матери разгадали легко и быстро. Весь кошмар заключался в том, что ее родной отец убил ее родную мать. Приревновал к кому-то – и зарезал.

Вот так, запросто... О малолетней дочери папаша даже не подумал!

Отца посадили. Сидел он в тюрьме долго, лет двенадцать или четырнадцать... Саша не знала точно, поскольку его судьбой не интересовалась. А еще потому, что сам родитель после своей отсидки домой так и не заглянул. Жил где-то там, у кого-то там... Ни разу за столько лет не испытал желания встретиться с дочкой!

Но Сашу подобное равнодушие не шокировало. Даже в каком-то смысле радовало... И слава богу, что она не видела папашу – а то сама бы его убила невзначай!

Воспитывала Сашу двоюродная бабушка. Женщина простая, добрая, одинокая. Она была очень привязана к девочке – в этом смысле Саше повезло, конечно. Ее любили, она не знала всех тягот абсолютного сиротства. Повезло-то повезло, но легче от этого не было...

Сколько себя осознавала, Саша всегда тосковала по матери. Хоть ей и было тогда три года, когда убили мать, но она смутно помнила – юную женщину с тонкими руками и копной темных волос, от которой пахнет чем-то родным – когда утыкаешься в нее всем лицом, всем телом.

Помнила ее голос:

– Сашурочка моя родненькая!

Руки женщины, точно крылья, накрывали Сашу, прятали от всего мира. Потом кто-то нехороший разомкнул эти крылья, отнял у Саши все запахи и звуки, отнял все.

Иногда Саше казалось, что она помнит и бабушку, родную бабушку. В чем-то темном, цветастом, бабушка взволнованно говорит о чем-то своей дочери (маме Саши), разводя руками. Говорит и говорит, говорит и говорит... Наверное, бабушка была далеко не молчуньей.

Саша очнулась от печальных мыслей только тогда, когда раздался звонок в дверь.

Это был Бородин – с огромным букетом цветов.

– Ждала?

– Ждала! – выдохнула Саша и повисла на нем. В этот раз Бородин был одет проще – джинсы, льняной пиджак. Он показался Саше таким красивым, таким милым, что она окончательно потеряла голову.

– погоди, дай мне на тебя посмотреть... – он оторвал ее от себя, и вновь принялся изучать – пронзительным, жадным, изумленным взглядом.

– Что?

– Ты красивая... – словно в ответ на ее мысли, тоже про-
бормотал он. Затащил в комнату, усадил к себе на колени. – Ты мне очень нравишься... Какие у тебя руки, боже, какие руки... – он покрыл ее руки поцелуями – от кончиков пальцев до плеч. – А плечи!

Он рассматривал ее всю и всю покрывал поцелуями. Он словно поклонялся ей...

Такое фанатичное поклонение было приятно, и даже жутковато немного становилось... «Что он во мне нашел, че-

му так удивляется? Я совсем обычная... Обыкновенная женщина! – думала Саша, позволяя Бородину вертеть себя как угодно. – Хотя нет: если любишь, любимый человек кажется чудом. Наверное, он меня любит!»

...Она пришла в себя на кровати. Обнаружила, что лежит на спине, открыв глаза, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Господи, Виктор, что ты со мной делаешь...

– Что? – он снова навис над ней. – Ты моя, Саша! Только моя.

Саша засмеялась, повернулась на бок.

– Не понимаю, что ты во мне нашел, – немного рисуясь, скромно произнесла она. – Такие красавицы у вас по клинике ходят... Своими глазами видела!

– Так они все ненастоящие, сделанные! – засмеялся Бородин. – Причем многие – моими собственными руками! – для убедительности он даже пошевелил пальцами.

– А какая разница – настоящая красота или сделанная? Все равно она – красота!

– Ты не понимаешь.

– А ты расскажи...

– Иногда я чувствую себя конкурентом господ бога, – серьезно произнес Бородин. – Я, пластический хирург... Потому что мои творения совершенней того, что сделал Он. Я словно доделываю его работу, которую Он поленился довести до конца. Но бывает, что иногда (очень редко!) я пони-

маю – мне еще очень далеко до Него. Когда я увидел тебя, Саша, то ощутил собственное ничтожество...

– Ты мне льстишь, – прошептала она.

– Ни капли, – он лег рядом с ней, прижал к себе.

– Ты любишь свою работу?

– Да. Но девяносто процентов того, что я делаю – это рутина. Одно и то же, одно и то же... – он помолчал. – Впрочем, у меня есть отдушина.

– Какая?

– Я ведь, Сашенька, не просто практикующий хирург, я еще и научными разработками занимаюсь, – не сразу ответил Бородин. – Экспериментальная медицина, так сказать...

– Неужели? А что за эксперименты? – с интересом спросила Саша.

– О, это долгая история... А вот ты... Ты обещала рассказать мне о своей семье, – оживился он.

– Хорошо.

Саша встала, накинула на себя рубашку, принесла из соседней комнаты альбом. Села рядом с Бородиным, перелистнула страницы.

– Это ты? – спросил он.

– Нет, это моя мама...

– Похожа!

– Так вот, если тебя интересует моя жизнь, я расскажу ее тебе. Она вполне обычная, единственное – ни одному человеку не пожелаю быть героем такой истории...

И Саша поведала Бородину о своем прошлом. О матери, об отце, о всех смертях и убийстве, и о том, как ее воспитала двоюродная бабушка... Бородин слушал внимательно, задавал вопросы. Его, похоже, волновало абсолютно все, что касалось Сашиной жизни.

– Бедная моя! Да, нелегко тебе пришлось... – вздохнул он в конце.

– Бывают истории и пострашней! – справедливости ради заметила Саша. – Так что мне повезло в каком-то смысле...

– А твой отец?

– Что – мой отец?

– Он вышел из тюрьмы? Он жив?

– Да, он жив и уже давно на воле... – неохотно призналась Саша.

– Ты его видела? Как он объясняет свой поступок?

– Не поступок, а преступление. Никак... Я его не видела, и видеть не хочу! – сквозь зубы произнесла Саша.

– Это правильно, – Бородин наклонился, поцеловал ее колено. – Прошлого нельзя изменить. Смириться с ним тоже нельзя! Поэтому я тебе как врач говорю: прощай и мудрей – забыть обо всем. Аминь.

– Аминь... – прошептала Саша.

Бородин сдержал свое слово – он вел себя так, словно не было этого разговора.

С ним было интересно и спокойно. Он был надежен и нежен. Идеальный мужчина!

Они с Сашей встречались почти каждый день, в выходные как-то съездили в подмосковный санаторий. Бородин намекал на поездку к дальним экзотическим островам, в которую он хотел бы отправиться «с одной замечательно красивой девушкой»...

Лиза Акулова, равно как и прочие работницы швейной фабрики «Притти вумен», исходили слюной от рассказов Саши о своем новом друге.

– Ой, Сашка, нам бы такого мужика! На острова зовет, значит?

– Ага!

– Попролам скидываетесь, или он за тебя платить будет?

– Что вы, девочки, я даже не знаю, сколько вообще это будет стоить и где билеты заказывать! – смеялась Саша. – От меня требуется только одно – сказать «да» и принести загранпаспорт.

– Вот это мужик! Счастливая, Сашка! А дома у него была?

– Конечно!

subтПрошломое

Зима 1941 – 1942 годов была самой тяжелой для осажденного Ленинграда. Люди падали без сил прямо на улице, и больше уже не вставали.

Митя днем работал на заводе, теперь Аля ходила за водой сама. Шла к проруби в Неве, потом ставила полное ведро на детские саночки, и медленно брела назад, боясь расплескать драгоценные капли.

От холода леденело сердце. Аля чувствовала себя такой усталой, такой пустой, что хотелось умереть – как можно скорее.

Она заставляла себя отвлечься от черных мыслей. Но как это можно было сделать? Очень просто.

Аля считала тела. Одно, другое, третье... Вот кто-то прямо на ее глазах падает в снег – секунду назад это был человек, а сейчас уже просто тело – а ее бескровные губы шепчут:

– Четыре...

За один поход она насчитывала десять-пятнадцать умерших. К утру их забирала «похоронная команда», но на следующий день неизменно появлялись новые. И жалеть кого-то, страдать – не было сил. Ни у нее, ни у кого-то еще. Все в городе привыкли к смерти.

И только ненависть к предателю, из-за которого разбомбили Бадаевские склады, не покидала Алю.

Конечно, запасы продовольствия на них не были столь гигантскими. Но даже если бы их хватило на несколько дней (да что там, хотя бы на один!) – кто-то бы точно остался жив. Протянул бы до того дня, когда открыли Дорогу жизни. Протянул бы до декабря, когда увеличили паек, протянул бы до весны, протянул до конца войны... Ведь должна же она когда-то кончиться?!

...Она с трудом втащила ведро по лестнице (все-таки, расплескала немного), вошла в квартиру. За стеной тихо скулил Борис, но Аля привыкла не обращать на него внимания. За-

шла в свою комнату.

– Бабушка, я принесла воды. Хочешь кипяточку? Сейчас поставлю чайник... Бабушка?

Аля шагнула вперед и увидела, как с подлокотника кресла, на котором сидела старуха, завернутая в несколько одеял, спрыгнула на пол крыса. Крыс в городе было несчетное количество, они обнаглели донельзя...

– Кыш! Вот тварь... Бабушка!

Аля подошла ближе. Из-под вороха одеял на нее смотрели мертвые, пустые глаза.

Аля молча легла на диван, укрылась другим одеялом. Ей было все равно.

На следующее утро пришел Митя.

Разогнал крыс, накормил Алю, стукнул в стенку Борису:

– Борь, зайди на минутку!

Явился Борис – трясущийся, жалкий, напоминающий скелет.

– Надо старуху вынести. Помоги.

– Я не могу. Я не могу. У меня нет сил. Я помню, там, под Севильей...

Митя, недослушав, с трудом покати́л Ольгу Михайловну прямо в кресле к выходу. Вернулся через полчаса:

– Ну все, ее похоронная команда забрала. Говорят, на Се-
рафимовское кладбище повезут.

– Как же ты ее с лестницы спустил? – пробормотала Аля. – Она же тяжелая...

– Никак, – просто ответил Митя. – Она сама по ней съехала, как с горочки. – Лестница-то вся заледенела от воды. Жильцы будь здоров наплескали!

Митя сел рядом с Алей, повернул ее лицо к себе.

– Слушай, Алька... Одна ты тут не выживешь. Пошли ко мне. У меня и печка лучше, и до воды ближе. Хоть на пару шагов, но ближе! И фикус у меня есть.

– Что? – прошептала она. – Настоящий фикус?

– Ага. Идем, я тебе из него шей сварю.

– Митька, спасибо... Но я не хочу. Сам свой фикус ешь.

– Сам? Ну вот еще! – возмутился он. – Хватит тут симулировать, пошли! – он потянул ее за руку.

– Митька, оставь...

– И не подумаю! Ты что, сдохнуть тут хочешь? Как твоя бабка? Пошли! И чтоб я больше этих пораженческих речей не слышал!

Он (откуда только силы взялись!) поднял Алю на руки. И понес к дверям.

На лестнице сел на «пятую точку», устроив Алю у себя на коленях, и, придерживаясь рукой за перила, осторожно заскользил вниз – возле перил намерзло столько расплескавшейся воды, что, действительно, с лестницы можно было съезжать, как с горки.

Внизу положил Алю на санки, укутал в одеяло и покатил.

Аля лежала молча, глядела в ясное, солнечное зимнее небо. От голода и холода она почти ничего не соображала.

В голове мелькнула лишь одна вялая, равнодушная мысль: «Глупый Митя... И чего он жилы из себя тянет? Бросил бы меня давно!»

Она почти не помнила, как Митя привез ее к своему дому, с трудом втащил по лестнице. Не помнила, как он положил ее на широкую тахту, укутал ворохом одеял и пальто.

– Сейчас «буржуйку» растоплю, щец сварю... У нас будет роскошная жизнь!

Словно сквозь туман Аля слышала, как Митя принялся рубить топором шкаф, время от времени принимаясь ругаться шепотом – шкаф был дубовый, старинный, основательно сделанный. Век бы еще простоял!

Потом сварил щи из фикуса, показавшиеся Але необыкновенно вкусными.

– Ну, как?

– Спасибо, Митенька...

Кстати сказать, Митя отстриг Але ее великолепные косы, как ни жалко их было – донимали вши.

Ночью они спали вместе, тесно прижавшись друг к другу, но в их объятиях не было ни одного намека на эротику – в эти дни в Ленинграде все спали вместе, поскольку отопление не работало, а морозы – ого-го, очень жестокие!

Тристан и Изольда, между которыми по ночам лежал меч, и в подметки им не годились со своей рыцарской невинностью – просто такова была сейчас суровая, простая наука выживания.

Аля и Митя были как брат и сестра. Просто два человеческих существа, в которых еще теплилась дыхание. В Мите – чуть больше, и потому он пытался согреть Алю.

Надо сказать, у него это получилось. Они оба выжили. Достянули до весны. А там паек еще немного увеличили, солнышко стало пригревать...

Все это время Аля лежала, днем изредка выбираясь из комнаты на кухню. У Мити были соседи – но она их ни разу так и не видела, слышала только несколько раз глуховатые и скупые разговоры за стеной.

Однажды Аля проснулась, потянулась – и поняла, что чувствует себя вполне сносно. Выпростала из-под одеяла тощие руки, с недоумением принялась их разглядывать. «Господи, какая я грязная!...»

Она накинула на плечи старое пальто, взяла под мышку деревянную шайку и потащилась в общественную баню – только там можно было как следует отмыться.

В Белозерской бане в женском отделении дуло из разбитого во время артобстрела окна, кое-как заколоченного фанерой. Аля налила в шайку горячей воды и принялась медленно, сосредоточенно мыться.

Она так давно не видела собственного тела, что не узнавала себя. Это – она? Эти кости в прозрачной оболочке – она?!

Но вокруг двигались такие же тощие, костлявые тела с пустыми мешочками кожи на груди... Женщины говорили, смеялись над собственной худобой. И Аля тоже засмеялась – в

первый раз после начала войны.

...Она вернулась в квартиру Мити отмытая, с хрустящими от чистоты короткими волосами, переделалась в платье, оставшееся от какой-то Митиной родственницы, и принялась за уборку. Солнце пробивалось сквозь пыльные, серые, заклеенные бумажными полосками окна. «Эх, помыть бы их сейчас, быстренько...»

Аля пошла на кухню за ведром.

Там стоял какой-то мужчина, к ней спиной – доставал с полки чайник.

– Добрый день, – сказала Аля.

– Что? – человек обернулся, и внезапно Аля узнала в нем Артура. Артура?.. Артур – Митин сосед?..

Тот самый Артур?..

Аля стояла, окаменев, прижав руки к груди, во все глаза глядя на мужчину. Он или не он? Ну да, конечно он, какие могут быть сомнения... Эти рысьи глаза, эта улыбка!

Мужчина смотрел на нее с недоумением, потом что-то дрогнуло в его лице.

– Аля? Вы – Аля? А я не сразу узнал... Ох, какие ж у вас были замечательные косы, Аля! – добродушно произнес Артур и принялся в энергичном рукопожатии трясти ее ладонь. – Здравствуйте, Аля. Вот и свиделись! Такая жизнь, проклятая война... Митька говорил, что у него подопечная есть, но я даже не подозревал, что это именно вы, Аля...

Аля не в силах была и слова произнести. Стояла и смот-

рела на Артура.

«Почему он улыбается? Почему он так мне обрадовался? Ах, да, он ведь не знает, что я за ним тогда следила! Он не знает, что я его подозреваю... – роились мысли в ее голове. – Он не должен знать, что я его подозреваю! Что делать, что делать?»

– Аля, с вами все в порядке?

– Нет, – прошептала Аля. Вероятно, от слабости и шока она на миг сошла с ума, потому что в следующее мгновение сказала: – Артур... это вы посылали сигналы фашистам? Тогда, в начале осени...

Они были одни в доме. Он был сильнее, больше, взрослей. Он мог задушить ее. Зачем ему такая опасная свидетельница?.. Свернуть ей шею, точно цыпленку! Задушить и уйти. Никто бы и не догадался – еще одна жертва блокады валяется на полу, в пустой квартире!

Артур стоял и смотрел на Алю. И думал.

О чем он думал? Господи, если б знать, что скрывается за его рысьим взглядом, какие намерения...

Аля попятилась назад, схватила утюг с чьего-то стола – закоптелый, черный, тяжелый, которым не пользовались, наверное, с начала войны.

– Аля?

– Не подходи ко мне!

– Аля!

– Убью... Ты предатель, диверсант, немецкий шпион...

Признавайся!

– Аля... – он вдруг засмеялся – тихо, печально. Его смех был больше похож на плач. – Ты – тоже? Видно, все в этом городе сошли с ума, в любом подозревают шпиона...

– Ты – не любой. Я шла за тобой. Тогда, помнишь? Была тревога, но ты не стал прятаться в убежище, ты сбежал! – задыхаясь, произнесла она, едва удерживая обеими руками утюг. – А потом я увидела зеленые цепочки... Ты указал фашистам, куда надо сбрасывать бомбы. Прямо на Бадаевские склады!

– Ты видела это?

– Да, видела! – крикнула она с ненавистью.

– Прямо то, как я стреляю из ракетницы?

Аля смешалась:

– Нет, но... Это был пустой дом!

– Ты в него заходила?

– Нет, но...

– А ты видела, как я заходил в него?

– Видела! – закричала Аля. На самом деле она не видела того момента, как Артур заходил в заброшенный дом. В ту короткую секунду она пряталась за углом. Но какие могут быть сомнения, если Артур уже стоял перед аркой, ведущей во двор-колодец?..

– Неправда.

– Ты – немецкий шпион. Диверсант! Предатель!

Артур продолжал смотреть на нее своими странными гла-

зами. Потом вдруг сделал шаг вперед и быстро опустился на колени.

– Ты считаешь, что я предатель? Ну, тогда убей меня, – опустив голову, глухо произнес он.

Чугунный утюг в Алиных руках теперь дрожал над затылком Артура.

– Это глупое недоразумение. Ошибка. Я не подавал никаких сигналов.

– Но там никого больше не было, на той улице. Только ты и я!

– Аля, враги могли прятаться. А я просто проходил мимо.

– Это был ты! Почему ты не стал прятаться в бомбоубежище? – дрожа, забормотала она. – Почему? Ты торопился подать врагам знак, пока они кружатся в своих самолетах над городом... Ты ждал налета!

– Аля, я торопился в госпиталь. Я не мог отсиживаться в подвале. Я должен был помочь раненым! Вот хочешь, сама сходи завтра в больницу имени Эрисмана, где я работаю, и спроси... Да я там днюю и ночую!

На кухне повисла напряженная тишина. Потом Аля вздохнула и с грохотом бросила утюг обратно на стол. Она поверила Артуру. Не может же, в самом деле, человек такой быть сволочью! И сам голову подставил... Правильно она сомневалась – никакой Артур не предатель.

Артур поднял на нее лицо. Смотрел долго, с удивлением, потом произнес:

– Ну вот, теперь мы на «ты»...

Внезапно завывала сирена.

– Налет. Пойдешь в бомбоубежище?

– Нет. Мне все равно, – покачала Аля головой. – Я Митьке вру, что хожу, а на самом деле – нет...

– Я тоже не хожу.

– Почему?

– А бесполезно. Если «пятисотка» прилетит, не спасешься ни в каком бомбоубежище...

«Пятисотками» называли фугасные бомбы весом в полтонны... Артур снова взял Алю за руку. Она вырвала руку, спрятала ее за спину.

– Тебе и без кос хорошо, знаешь?.. – тихо произнес Артур.

Раздался стук метронома. В осажденном Ленинграде, после сигнала тревоги, по радио передавали стук метронома – монотонный, тоскливый, жуткий звук.

– Пожалуй, спущусь в бомбоубежище, – сказала Аля.

* * *

...У Бородина была квартира в новом элитном доме. Само собой, улучшенной планировки. Все в ней было красивым, удобным, окна – во всю стену!

– Нравится? – спросил Бородин, когда в первый раз пригласил к себе Сашу.

– Очень! – искренне ответила та. – А сколько книг...

Она подошла к книжным полкам, стала читать названия.

– Это все старинные, – Бородин открыл стеклянные дверцы, достал несколько томов. – Посмотри...

Саша перелистнула несколько страниц – пожелтевших от времени, в дореволюционной орфографии, с гравюрами.

– Боже мой, начало девятнадцатого века! – поразилась она, увидев дату в начале одной из книг. – Тогда Пушкин еще жил!

– Милая ты моя... – ласково засмеялся Бородин и поцеловал Сашу в лоб. – Да, тогда еще был жив Пушкин. Я, Сашенька, собираю старинные книги. Это мое хобби.

– Замечательное хобби!

– Скупаю у букинистов все подряд... У твоих знакомых, может быть, есть старые книги? Изданные сто, пятьдесят лет назад? Сорок, тридцать лет назад?

– Н-не знаю... У Лизы Акуловой есть какие-то журналы, начала двадцатого века...

– Нет, журналы меня не интересуют, – Бородин пристально, ласково смотрел на Сашу.

– Я спрошу.

– Спроси.

– Я еще у себя пороюсь! – Саша жаждала помочь ему. – Вдруг найду что-то интересное...

– Я готов заплатить хорошие деньги.

– Виктор, перестань! – отмахнулась она. – Мне не нужны деньги...

– Да ты святая у нас, выходит! – засмеялся Бородин. – Посмотрите на нее – ей не нужны деньги!

Саша тоже засмеялась. Разумеется, от денег она не отказалась бы... Но отношения с Бородиным казались ей более ценным приобретением. Разве можно было купить любовь такого человека, как он? Нет. Книгой, пусть даже самой дорогущей в мире, не жалко было пожертвовать ради него!

«А есть ли у меня эти самые старые книги? – приехав домой размышляла Саша. – Вроде что-то было?»

Она перерыла весь свой книжный шкаф – но в нем самыми старыми были ее детские книги. Вот, как, например, эта – сказки того же самого Пушкина. Издательства «Детгиз»...

Саша даже расстроилась. Виктор ради нее ничего не жалел!

Потом смутное воспоминание пронеслось перед глазами – она на даче. Очень давно. Очень, очень... Мама идет по саду, и солнце освещает ее всю. Пахнет свежескошенной травой, небо такое ясное, пронзительно-синее... Последнее лето маминой жизни. Бабушка умерла, и мама хочет продать дачу – своей подруге, как там ее... Свете Поповой!

Неожиданно Саша вспомнила то, что ненужным грузом лежало в глубинах ее памяти. У их семьи была дача – ее купил дед. Потом дед заболел, и тогда бабушка решила продать дачу – деду на лекарства. Но не успела – дед помер.

Потом умерла бабушка, и после ее смерти, сразу же, мама решила во второй раз продать дачу. И продала все-таки.

Этой самой Свете Поповой.

Разумеется, подробностей Саша не помнила, и вся эта история о даче – со слов двоюродной бабки (бабы Зои), ее воспитавшей.

Так вот, на даче было полно старых вещей, книг, мебели... Ничего не выбрасывалось, свозилось туда. Если Света Попова не тронула залежи старья на чердаке, то можно было надеяться найти что-то интересенькое!

Саша хорошо помнила и Свету Попову, мамину подругу. Она часто заглядывала к сиротке, болтала с бабой Зоей и вообще была очень добросердечной женщиной. Помогала чем могла, привозила ягоды с той же самой дачи, звала Сашеньку в гости. Одно лето (ей было лет девять тогда), Саша провела на своей бывшей даче. Помнила завалы на чердаке, которые тетя Света обещалась разобрать, да все «недосуг» ей было. Больше Саша на дачу не ездила, но тетя Света продолжала звонить, поздравляла Сашу то с днем рождения, то с Новым годом. Потом звонки стали все реже.

В последний раз тетя Света звонила лет пять назад.

«Не пять, а четыре! Мне тогда тридцать исполнилось – юбилей! Но я юбилей не отмечала, тетю Свету не приглашала – а надо было позвать. Она же совсем одна!»

В первый раз Саша почувствовала раскаяние – за то, что забыла о тех, кто любил ее. А вдруг тетя Света умерла? Или жива и нуждается в помощи?!

Саша нашла телефон маминой подруги, набрала ее номер.

– Да! Говорите! – раздался в трубке веселый шамкающий голос.

– Тетя Света?

– Я... А кто говорит?

– Это Саша. Саша Силантьева.

– Сашенька?! Милая ты моя, дорогая! – похоже, тетя Света даже разрыдалась от радости. – Ох, сколько лет...

– Теть Свет, простите меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.